

Шекспир Уильям

Тимон Афинский

Оглавление

АКТ I.....	2
АКТ II.....	27
АКТ III.....	39
АКТ IV.....	62
АКТ V.....	88
А. Аникст. «Тимон Афинский».....	103

Действующие лица

Тимон, знатный афинянин.

Луций, Лукулл и Семпроний — вельможи-льстецы.

Вентидий, один из ложных друзей Тимона.

Алкивиад, афинский военачальник.

Апемант, язвительный философ.

Флавий, домоправитель Тимона.

Поэт.

Живописец.

Ювелир.

Купец.

Старый афинянин.

Фламиний, Луцилий и Сервилий — слуги Тимона.

Кафис, Филот, Тит, Гортензий и другие — слуги кредиторов Тимона.

Паж.

Шут.

Три чужестранца.

Фрина и Тимандра — любовницы Алкивиада.

Купидон и амазонки, маски.

Вельможи, сенаторы, воины, военачальники, разбойники, слуги.

Место действия — Афины и окрестные леса.

АКТ I

СЦЕНА 1

Афины. Зал в доме Тимона.

Входят в разные двери поэт, живописец, ювелир, купец и другие.

Поэт

Привет мой вам!

Живописец

Я рад, что вы здоровы.

Поэт

Давно не видел вас. Ну, как наш мир?

Живописец

Растет, но и ветшает он.

Поэт

Старо!

А нет ли поновей чего-нибудь

Такого, что стоустая молва

Не повторяла б вновь и вновь? Смотрите,

Как магия богатства всемогуща!

Она любую душу в плен берет

И заставляет всех служить себе.

Знаком мне тот купец.

Живописец

А мне знаком

И тот, что вместе с ним, — он ювелир.

Купец

Тимон — достойнейший вельможа.

Ювелир

Верно!

Купец

Милейший человек; неистощимой

Он дышит добротой. Такие люди

Большая редкость.

Ювелир

Я принес бриллиант.

Купец

А ну-ка, покажите. Для Тимона?

Ювелир

Да, коль в цене сойдемся... Впрочем, в этом...

Поэт

(декламируя)

«Когда за мзду порок мы перевозносим,

Пятнает это блеск стихов прекрасных,

Чье назначенье — прославлять добро».

Купец

Брильянт — хорошей формы.

Ювелир

Превосходный.

Какой воды чистейшей — посмотрите.

Живописец

(поэту)

Вы, верно, посвященье написали

Великому Тимону?

Поэт

Родились

Стихи произвольно у меня.

Поэзия похожа на камедь,

Струящуюся из ствола-кормильца.

Не высекут огонь — он не сверкнет,

А пламень чистый наш родится сам

И катится лавиной, все сметая

Со своего пути. — Скажите, сударь,

Вы что Тимону принесли?

Живописец

Картину.

Когда же выйдет ваша книга в свет?

Поэт

Да вслед за тем как поднесу ее.

Могу ль я на подарок ваш взглянуть?

Живописец

Картина хороша.

Поэт

Да, превосходна!

Прекрасно! Очень хорошо!

Живописец

Недурно...

Поэт

Чудесно! Сколько грации в фигуре!

Какая сила разума во взоре,

И на устах — фантазии полет,

И жест немой так ясен.

Живописец

Да, удачно

Я отразил в ней подлинную жизнь.

А этот штрих, не правда ли, хорош?

Поэт

Саму природу учит он! Искусство,

Заложенное в нем, живет жизни.

Через сцену проходят несколько сенаторов.

Живописец

У нашего патрона тьма друзей.

Поэт

Афинские сенаторы! Счастливец!

Живописец

Смотрите, вот еще...

Поэт

Ну и толпа! Какой наплыв гостей!

Я показал в набросках этой оды

Любимца мира, баловня судьбы,

Кто свой досуг проводит непрерывно

В изысканных и тонких развлечениях.

Подробности презрев, взлетая вольно,

Мой дар певца скитается свободно

По морю бесконечному страниц,

Не отравляет он расчетом злобным

В своем движенье даже запятой

И рвется ввысь отважно, как орел,

Бесследно исчезая.

Живописец

Как понять вас?

Поэт

Я объясню сейчас. Видали вы,

Как люди самых разных положений,
Как все умы — убогие, пустые,
И острые, и злобные — стремятся
Служить Тимону? Он богат несметно
И так приветлив, добр, великодушен,
Что всех к нему влечет, без исключенья,
От хитрого льстеца до Апеманта:
Хотя тому ничто не любо так,
Как враждовать с собою, — но и он
Уходит от Тимона умиленный,
Его улыбку почитая благом.

Живописец

Мне доводилось слышать их беседы.

Поэт

Так вот: изобразил я холм высокий,
Где трон стоит, на троне том — Фортуна:
Внизу толпится множество людей
Различных свойств, происхожденья, званья
Все те, кто на земле благословенной
Живут лишь для того, чтоб хлопотать
О возвышении своем. Меж тех,
Кто на богиню устремил глаза,
Один с Тимоном схож. Манит Фортуна
Его к себе рукою белоснежной.
И эта милость превращает сразу
Соперников его в его рабов.

Живописец

Как верно найдено! Я представляю,
Что холм. Фортуна, трон и человек,
Отмеченный из всех внизу стоящих
И наклонивший голову, чтоб легче
Наверх взобраться по крутому склону
Навстречу счастью, — могут стать сюжетом
И моего искусства.

Поэт

Я продолжу...
Так слушайте: все равные ему,
И даже те, кто выше был, бегут
Теперь за ним, в его теснятся доме,
Ему благоговейно в уши шепчут,
Все в нем боготворят — вплоть до стремян,
И только им и дышат...

Живописец

Что же дальше?

Поэт

Внезапно своенравная Фортуна
Толкает вниз недавнего любимца,
И тот, кто вслед карабкался за ним
И полз с трудом, почти на четвереньках,
Дает ему скатиться; не поддержит
Его никто.

Живописец

Обычное явление...
Я мог бы вам назвать картин немало,
Где следствия таких причуд Фортуны
Показаны ясней, чем на словах.
Но мудро вы напомнили Тимону,
Что люди низкие уже не раз
Падение великих наблюдали.

Трубы. Входит Тимон и приветливо здоровается со всеми посетителями. К нему подходит гонец от Вентидия и разговаривает с ним; Луцилий и другие слуги следуют за Тимоном.

Тимон

Так он сейчас в тюрьме?

Гонец

Да, господин.
Лишь пять талантов должен он, но нечем
Ему платить, а кредиторы — звери.
Он вас низайше просит написать
Тому, кто засадил его, иначе
Ему конец.

Тимон

Вентидий благородный!
Исполню все; я не из тех, кто друга
В беде способен бросить. Он мне близок
И помощи достоин. Если помощь
Ему нужна, я вызволю его,
Долг уплачу и от тюрьмы избавлю.

Гонец

Навеки будет он обязан вам.

Тимон

Привет ему! Отправлю деньги тотчас.
Пусть он придет ко мне, на волю выйдя;
Однажды выручить страдальца — мало.

Важнее помогать ему и впредь.

Прощай.

Гонец

Всех благ желаю, ваша милость.

Входит старый афинянин.

Старый афинянин

Тимон, к тебе я.

Тимон

Да, почтенный старец...

Старый афинянин

Есть у тебя слуга Луцилий?

Тимон

Есть.

И что же?

Старый афинянин

Благороднейший Тимон,

Пусть он придет сюда.

Тимон

Он здесь. — Луцилий!

Луцилий подходит.

Луцилий

Я здесь. Что вашей милости угодно?

Старый афинянин

Вот этот человек, Тимон, слуга твой.

Повадился ходить к нам по ночам.

Я весь свой век сколачивал богатство.

И состояние мое достойно

Наследника получше, не из тех.

Кто бегаёт с подносом.

Тимон

Так. Что дальше?

Старый афинянин

Есть у меня единственная дочь.

Которой я по смерти все оставлю;

Она красива, и пора ей замуж.

Я денег не жалел и воспитанье
Прекрасное ей дал. А твой слуга
Ей кружит голову. Так запрети
Ему ходить ко мне. Я говорил с ним.
Но все напрасно.

Тимон
Человек он честный.

Старый афинянин
Так пусть о ней забудет он. Ведь честность
Должна сама себе служить наградой
Зачем же брать в придачу дочь мою?

Тимон
А любит дочь его?

Старый афинянин
А почему бы
Ей не любить? Она ведь молода.
Мы знаем по страстям минувшим нашим
Беспечность юности.

Тимон
(Луцилию)
Ее ты любишь?

Луцилий
Да, господин мой; и она меня.

Старый афинянин
Коль вступят в брак без моего согласия.
Клянусь богами, откажу наследство
Я нищему любому, но уж ей
Гроша не дам.

Тимон
А выйди дочь твоя
За равного, за ней ты сколько дал бы?

Старый афинянин
Дам три таланта, а когда умру.
К ней перейдет все то, чем я владею.

Тимон
Луцилий служит мне уже давно;
Я счастье его могу составить
Ценой усилья малого и этим

Исполню лишь свой долг как человек.
Дочь выдай за Луцилия, а я
Ему дам столько, сколько дашь ей ты.
И сразу станут равными они.

Старый афинянин

Клянись мне в этом честью, благодетель.
И пусть берет он в жены дочь мою.

Тимон

(протягивая ему руку)
Моя рука и честь тебе порукой.

Луцилий

Благодарю от сердца вашу милость!
Отныне, что бы я ни приобрел,
Все вам принадлежит.

Старый афинянин и Луцилий уходят.

Поэт

Прошу, примите
Мой скромный труд и пожеланье счастья.

Тимон

Благодарю. Поговорим мы после;
Не уходите... — Что у вас, мой друг?

Живописец

Картина. Умоляю вашу милость
Принять ее.

Тимон

Картина? Очень рад.
Портреты — то же, что живые люди.
С тех пор как человеческой душою
Бесчестье движет, только внешний облик
Является отличьем человека;
Таким его мы видим на картинах.
Ценю ваш труд и докажу на деле,
Что восхищен им. Заходить прошу
Без приглашений.

Живописец

Да хранят вас боги!

Тимон

Итак, до встречи. — Господа, сегодня

Обедаем все вместе.

(Ювелиру.)

Ваш брильянт

Все знатоки мытарили.

Ювелир

Ужели

Охаяли?

Тимон

Нет, захвалили! Если б

Цена определялась восхищеньем,

Я разорился бы, купив его.

Ювелир

Он не дороже оценен, чем стоит.

Но часто цену придает вещам

Их обладатель. Если ваша милость

Брильянт наденет, то и ценность камня

Повысится.

Тимон

Удачная насмешка!

Купец

Нет, господин, он то же говорит,

Что все кругом.

Тимон

Смотрите, кто идет!

Хотите, чтобы обругали вас?

Входит Апемант.

Ювелир

Достанется и вам.

Купец

Он беспощаден.

Тимон

Привет тебе, любезный Апемант.

Апемант

Привет попридержи, покуда я

Любезным стану, а случится это,

Когда ты станешь псом своим, а эти

Мерзавцы — честными.

Тимон

Но почему

Они мерзавцы? Ты же их не знаешь.

Апемант

Разве они не афиняне?

Тимон

Афиняне.

Апемант

Тогда я не раскаиваюсь в том, что сказал.

Ювелир

Ты меня знаешь, Апемант?

Апемант

Тебе известно, что знаю; я же сказал, кто ты такой.

Тимон

А ведь ты гордец, Апемант.

Апемант

И больше всего горжусь тем, что не похож на Тимона.

Тимон

Куда ты идешь?

Апемант

Хочу вышибить мозги одному достойному афинянину.

Тимон

По закону ты за такое дело можешь поплатиться жизнью.

Апемант

Ты прав, если по закону смерть положена за то, что невозможно сделать.

Тимон

Как тебе нравится эта картина, Апемант?

Апемант

Нравится, потому что она безвредна.

Тимон

Ну разве не искусен человек, написавший ее?

Апемант

Тот, кто сделал самого живописца, еще искуснее, хоть это и была грязная работа.

Живописец

Ты пес!

Апемант

Твоя мать одной породы со мной; кто же она, если я пес?

Тимон

Будешь обедать со мной, Апемант?

Апемант

Нет, я не ем вельмож.

Тимон

И не надо, не то ты разозлишь наших дам.

Апемант

Вот они-то и едят вельмож: оттого у них и животы пухнут.

Тимон

Какое непристойное замечание!

Апемант

Оно твое; возьми его в награду за труды.

Тимон

Как тебе нравится этот брильянт, Апемант?

Апемант

Меньше, чем мне нравится честность, а она не стоит человеку ни гроша.

Тимон

Как ты думаешь, сколько он стоит?

Апемант

Не стоит того, чтобы я о нем думал. — Ну, что скажешь, поэт?

Поэт

А ты что скажешь, философ?

Апемант

Все врешь?

Поэт

Разве ты не философ?

Апемант

Философ.

Поэт

Значит, я говорю правду.

Апемант

Разве ты не поэт?

Поэт

Поэт.

Апемант

Значит, ты врешь. Загляни в свое последнее произведение, где ты изобразил Тимона достойным человеком.

Поэт

Это не ложь; он действительно достойный человек.

Апемант

Да, он достоин тебя и того, чтобы платить за твой труд. Тот, кто любит лесть, достоин льстеца. О небо, вот был бы я вельможей...

Тимон

Что бы ты тогда сделал, Апемант?

Апемант

То же, что делает Апемант сейчас; ненавижу бы вельможу всем сердцем.

Тимон

Как? Ненавидел бы самого себя?

Апемант

Да.

Тимон

За что же?

Апемант

За то, что, сделавшись вельможей, я утратил бы свою злость. (Купцу.)
Послушай, не купец ли ты?

Купец

Да, Апемант.

Апемант

Пусть же тебя погубит торговля, если этого не сделают боги.

Купец

Если меня погубит торговля, значит, так пожелали боги.

Апемант

Торговля — твой бог, и бог твой погубит тебя!

Трубы. Входит слуга.

Тимон

Кто там трубит?

Слуга

Алкивиад к вам прибыл;

И с ним приятелей десятка два.

Тимон

Принять их всех и проводить сюда.

Несколько слуг выходят.

(Живописцу.)

Обедайте со мной; не уходите,

Пока я вас не отблагодарил;

А пообедав, посмотрю картину.

(Гостям.)

Друзья, я рад вам.

Входит Алкивиад с приятелями.

Милости прошу!

Апемант

Так-так... Скорей иссохли б, искривились

Их ноги стройные. Ведь нет любви

Меж этими сладчайшими плутами

Ни капли — но уж так они любезны!

Род человеческий выродился, видно,

В породу обезьян.

Алкивиад

Как тосковал я

По вас, Тимон, как жадно насыщаюсь

Я вашим видом!

Тимон

Милости прошу!

Пока мы вместе, время проведем

В различных развлечениях. Идемте!

Все, кроме Апеманта, уходят. Входят двое вельмож.

Первый вельможа

Какое сейчас время дня, Апемант?

Апемант
Время быть честным.

Первый вельможа
Это время бывает всегда.

Апемант
Тем хуже для тебя, что ты его пропустил.

Второй вельможа
Идешь ты на пир к Тимону?

Апемант
Иду; взгляну, как яства питают мошенников, а вина горячат глупцов.

Второй вельможа
Ну, будь здоров, будь здоров!

Апемант
Ты дурак, что дважды пожелал мне быть здоровым.

Второй вельможа
Почему, Апемант?

Апемант
Приберег бы одно пожелание для себя; я тебе здоровья не пожелаю.

Первый вельможа
Пусть бы ты слох!

Апемант
Нет уж, твоих желаний я выполнять не стану. Обратись с этой просьбой к своему другу.

Второй вельможа
Прочь, злобный пес! Иль вышвырну...

Апемант
А пес
Даст тягу от копыт ослиных ваших.

Первый вельможа
Вот человеконенавистник! — Ну,
Пойдем вкусить от щедрости Тимона?
Он превзошел само гостеприимство.

Второй вельможа
Да, щедр безмерно он. Бог злата Плутос

В рабы годится нашему Тимону.
Ведь нет такой услуги, за какую
Тимон бы семикратно не воздал.
И нет подарка, за который он
Не наградил бы во сто крат щедрее.

Первый вельможа

Другой души, такой же благородной,
Я не встречал.

Второй вельможа

Будь он благословен!
Войдем?

Первый вельможа

Войдем. Я следую за вами.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Парадный зал в доме Тимона. Накрыт большой стол; около него хлопочут Флавий и другие слуги. Входят Тимон, Алкивиад, вельможи, сенаторы, Вентидий и слуги. Позади всех, с недовольным видом, идет Анемант.

Вентидий

Мой друг Тимон! Богам угодно было,
Припомнив возраст моего отца,
Призвать его к себе, и он скончался,
Оставив мне богатое наследство.
Великодушны были вы ко мне,
И ныне я с признательностью вечной
Вам возвращаю долг, удвоив сумму:
Ведь только вам обязан я свободой.

Тимон

Нет, ни за что, Вентидий благородный!
Мою любовь к тебе ты плохо ценишь!
Я эти деньги дал тебе в подарок;
А тот, кто все обратно получает
Себя назвать уже не вправе давшим.
И если у правителей иных
Так повелось, нам подражать нельзя им!
Власть — оправдание любой ошибки.

Вентидий

О благородный дух!

Тимон

Друзья мои,

Придуманы законы этикета,

Чтоб фальшь и безразличие лоском скрыть.

Притворное радушье, не успев

Еще явить себя, уже жалеет,

Что проявиться следует ему.

Но там, где дружба искренна, излишни

Любые церемонии. Садитесь!

Милее вы богатству моему,

Чем мне мое богатство.

Все садятся.

Первый вельможа

Мы сознались...

Апемант

Ого-го-го! Сознались! Почему же

Вас не повесили?

Тимон

А, Апемант!

Добро пожаловать!

Апемант

Ну, от меня

Добра не жди. Явился я затем,

Чтоб выгнал ты меня.

Тимон

Фи! Грубиян!

Ты лишь по виду человек! Ты, право,

Достоин осужденья. — Господа,

Известно: Гнев есть краткое безумие;

А так как Апемант наш вечно злится,

Накройте стол для ворчуна отдельно;

Он общества не любит и совсем

Не создан для него.

Апемант

Я здесь останусь

Тебе назло. Но всех предупреждаю:

Сюда явился я для наблюдений.

Тимон

Мне это безразлично; ты афинянин, и потому — милости просим. Я бы не хотел силой затыкать тебе рот; но пусть хоть мой обед заставит тебя помолчать.

Апемант

Плюю на твой обед; я подавлюсь им.
Раз не намерен льстить тебе. О боги!
Какая тьма людей Тимона жрет.
А он не видит их! Орава эта
Не яства поглощает — кровь Тимона,
И он их сам, безумец, поощряет.
Дивлюсь, как можно доверять друг другу!
Гостям к столу ножи дают напрасно.
Неэкономно это и опасно
Тому примеров множество. Вот тот.
Что рядышком с хозяином уселся.
С ним делит хлеб, пьет из его бокала
Но он же первый рад его зарезать.
Известно это всем. Будь знатным я,
Не пил бы я в гостях: вдруг кто-нибудь
Меня пырнуть захочет в глотку. Нет уж,
Коль на пирах хотят сидеть без дрожи,
Пусть, не снимая панцирь, пьют вельможи.

Тимон

Друзья мои, за вас! Пусть вкруговую
Обходит чаша!

Второй вельможа

К нам ее направьте.
Сюда, любезнейший Тимон!

Апемант

К нему!
Вот плут! Он знает, что куда направить.
Боюсь, что от заздравных этих тостов
Тебе не поздоровится, Тимон.
А у меня напиток слишком слаб.
Чтобы толкать на зло, — водою честной
Еще никто не брошен в грязь. И пища
Моя сродни питью. Я возношу
Моленье к небесам, хоть на пирах
Мы забываем часто о богах.
(Молится.)
Я денег, боги, не люблю
И об одном лишь вас молю
Чтобы не стал глупцом я низким,
Что верит клятвам иль распискам,
Иль девкам уличным, гулящим,
Иль псу, что притворился спящим,
Или тюремщика словам,

Иль нужным в час беды друзьям.
Аминь! Богатый пусть грешит,
А я и кашей буду сыт.
Желаю тебе доброго здоровья, добрейший Апемант.
(Ест и пьет.)

Тимон

Сердце твое, Алкивиад, сейчас, наверно, на поле сражения?

Алкивиад

Сердце мое всегда готово служить тебе, Тимон.

Тимон

Ты бы, конечно, предпочел находиться на завтраке у врагов, чем на обеде у друзей?

Алкивиад

Нет яств, которые могли бы сравниться с истекающим кровью врагом!
Такого угощения я готов пожелать своему лучшему другу.

Апемант

В таком случае хотел бы я, чтобы все эти льстецы были твоими врагами.
Ты бы убил их и пригласил меня откусать.

Первый вельможа

Ах, Тимон, как бы мы были счастливы, если бы ты хоть разок испытал наши сердца и мы могли хоть в небольшой мере доказать тебе свою душевную преданность. Это наша заветная мечта.

Тимон

Добрые друзья мои, нет сомнения, что самими богами вам предназначено когда-нибудь меня поддержать. Ведь иначе вы не звались бы моими друзьями! Разве из многих тысяч людей вы носили бы это прекрасное имя друзей, если бы не были частью моего сердца? Я уверен в вас! Не раз я сам себе говорил о вас больше, чем вам позволила бы сказать ваша скромность. О боги! — размышлял я. — Зачем существовали бы друзья, если бы мы не нуждались в них? Они были бы самыми бесполезными людьми, если бы нам никогда не случалось обращаться к ним за помощью. Они были бы похожи на те чудесные музыкальные инструменты, которые висят в футлярах на стене и хранят свои звуки для себя. Ах, как часто желал я потерять богатство, чтобы еще больше сблизиться с вами! Мы рождены для того, чтобы творить добро. Что же в таком случае можем мы назвать своей собственностью, как не богатство друзей? О, какое дивное утешение — знать, что множество людей может, подобно братьям, располагать имуществом друг друга! Эта мысль рождает радость и тут же заставляет ее уступить место слезам умиления! Я чувствую, что глаза мои не могут сдержать накипающих слез. Простите, друзья, мою слабость... Я пью за ваше здоровье!

Апемант

Ты плачешь, чтобы их заставить пить.

Второй гость

Да, радость родилась в глазах у нас

И, как ребенок, залилась слезами.

Апемант

Ха-ха! Ребенок-то побочный, видно.

Третий гость

Тимон, поверьте, сильно я растроган.

Апемант

Еще бы!

Трубы.

Тимон

Звуки труб? Что там такое?

Входит слуга.

Слуга

Осмелюсь доложить, господин, несколько женщин просят разрешения
войти к вам.

Тимон

Женщин? Что же им нужно?

Слуга

С ними явился гонец, господин; ему поручено сообщить вам об их
желаниях.

Тимон

Прошу тебя,пусти их всех сюда.

Входит Купидон.

Купидон

Привет тебе, достойнейший, и всем

Вкушающим от милостей твоих.

Пять чувств тебя приветствовать явились,

Признав своим властителем Тимона:

Слух, обонянье, осязанье, вкус

Ублаготворены на этом пире,

Теперь они пришли сюда со мной.

Чтоб вилом их взор насладил твой.

Тимон

Я очень рад. Мы их радушно примем.
Пусть музыка играет.

Первый гость

Ах, Тимон,
Подумайте, как сильно все вас любят!

Музыка. Купидон уходит и возвращается с дамами, которые замаскированы и одеты как амазонки. В руках у них лютни; они играют и танцуют.

Апемант

Видали! Ну и суета! Как скачут
Рехнувшиеся бабы! Эта жизнь
Трескучая и пышная — безумье
В сравнении с моей трапезой скромной
Из масла и кореньев. Мы способны
На дурь любую, только бы развлечься.
Мы льстим тому, за счет кого пируем,
А постарев, завистливо и злобно
Его же осуждаем за попойки.
Найдется ль человек неразвращенный
Или других людей не развративший?
Кто не унес в могилу тяжких ран,
Друзьями нанесенных? Я боюсь,
Что и меня вот эти попрыгуньи,
Того гляди, затопчут. Так ведется:
Едва лишь солнце для тебя садится,
Все двери пред тобой спешат закрыться.

Гости встают из-за стола и окружают Тимона, льстя ему. Чтобы засвидетельствовать ему свою любовь, каждый из них выбирает амазонку, после чего пары танцуют некоторое время под звуки гобоев.

Тимон

Красавицы, вы принесли нам радость,
Вы скрасили наш пир, который раньше
И вполовину не был так хорош.
Его достойным блеском озарив.
Мой план осуществлен был превосходно,
И я за это благодарен вам.

Первая дама

Вы слишком нас балуете, Тимон.

Апемант

Это странно потому, что каждая из вас — грязь, с которой и побаловаться-

ТО ПРОТИВНО.

Тимон

(дамам)

Пройдите же, вас угощение ждет.

Прошу вас, почувствуйте себя как дома.

Все дамы

От всей души благодарим вас.

Купидон и дамы уходят.

Тимон

Флавий!

Флавий

Я здесь.

Тимон

Мою шкатулку!

Флавий

Хорошо!

(В сторону.)

Опять начнет брильянты раздавать.

И не велит перечить, а не то

Ему бы все сказал я... Нет, скажу!

Растратит все, так пожалеет слезно,

Что я молчал. Но будет слишком поздно.

У щедрости, увы, нет сзади глаз;

Вот потому она и губит нас.

(Уходит.)

Первый гость

Где наши слуги?

Слуга

Здесь. Что вам угодно?

Второй гость

Ведите лошадей.

Возвращается Флавий со шкатулкой.

Тимон

Друзья мои,

Еще два слова...

(Одному из гостей.)

Вот взгляните, друг;
Молю вас оказать мне честь — примите
Алмаз мой в дар. Прошу его носить.
Любезный друг.

Первый гость
Но я и без того
Обязан многим вам.

Все
И все мы также.

Входит слуга.

Слуга
Сенаторы явились, господин;
Они сошли с коней, идут сюда!

Тимон
Душевно рад; проси их!

Флавий
Ваша милость,
Послушайте меня. Поверьте, это
Касается вас очень близко...

Тимон
Близко?
Потом расскажешь мне. Прошу тебя,
Распорядись принять гостей получше.

Флавий
(в сторону)
Не знаю, как смогу я это сделать.

Входит второй слуга.

Второй слуга
Позвольте, ваша милость, доложить:
Вам Луций, в знак любви своей, прислал
Четверку белоснежных лошадей
С серебряною сбруей.

Тимон
Принимаю
Охотно их. Смотрите, чтоб даритель
Достойно был вознагражден.

Входит третий слуга.

Что скажешь?

Третий слуга

Мой господин, благородный Лукулл приглашает вас завтра на охоту и посылает вам две своры гончих.

Тимон

Поеду с радостью. Примите гончих
И отдарите, не скупясь, Лукулла.

Флавий

(в сторону)

Чем это кончится? Велит гостей
Он принимать, одаривать их щедро,
А сундуки пусты. Он и не хочет
Знать, сколько в кошельке его осталось,
И мне открыть ему не позволяет,
Что сердце у него, как жалкий нищий,
Свои желанья выполнить не в силах.
Его посулы — выше средств его
И могут исполняться только в долг,
Он, что ни слово, то все больше должен.
Так много доброты в нем, что теперь
Он за нее проценты платит. Земли
Все у него заложены. Ах, лучше б
Меня он с миром отпустил сейчас,
А то ведь выгонит. Беда тому,
Кто пригревать друзей своих готов,
Которые опаснее врагов.
Скорблю я всей душою за Тимона.
(Уходит.)

Тимон

Пристрастны вы к себе, так умаляя
Достоинства свои. Прошу, примите
Безделку эту в знак моей любви.

Второй гость

С безмерной благодарностью беру!

Третий гость

Он воплощенье щедрости самой.

Тимон

(третьему гостю)

Я вспомнил: вы недавно любовались

Моей гнедою лошадью. Она
Вам нравится — прошу, владейте ею.

Третий гость

Ах, что вы! Я об этом и не думал!

Тимон

Я знаю, человек сердечно хвалит
Лишь то, чем восхищен, поверьте мне.
Любовь своих друзей я измеряю
Моею собственной любовью к ним.
Случится, что и я когда-нибудь
К вам обращусь.

Все гости

Мы будем очень рады!

Тимон

Так счастлив я вас видеть у себя,
Что все мои дары в сравненье с этим
Пустяк ничтожный. Думается мне,
Я целые бы королевства мог
Без усталы всем близким раздавать.
Алкивиад, ты воин — значит, беден;
Дарить тебе — благое дело: ты
Живешь средь мертвецов; твои угоды
Поля сражений.

Алкивиад

Да, Тимон, и это
Бесплодные поля.

Первый гость

Мы безгранично
Обязаны вам...

Тимон

О, я вам не меньше.

Второй гость

Так бесконечно преданы...

Тимон

Взаимно...
Свечей, свечей побольше!

Первый гость

Да пребудут

Богатство, слава, счастье с вами вечно!

Тимон

Живу для вас...

Все, кроме Апеманта и Тимона, уходят.

Апемант

Вот толкотня! Ишь сколько

Склоненных спин и согнутых колен!

Не много ль всем им дарят здесь в обмен?

Полна отбросов дружба; слово дам

Прямые ноги не нужны льстецам!

А простачки отдать свое богатство

Готовы за поклон.

Тимон

Ах, Апемант,

Когда бы не был ты столь ядовит,

К тебе я, верно, лучше б относился.

Апемант

Нет, мне ничего не надо. Если еще я дам подкупить себя, то совсем некому
будет бранить тебя и ты станешь грешить еще сильнее. Ты так много раздаешь,
Тимон, что, боюсь, скоро отдашь сам себя под закладную. К чему эти пиры,
шум, пустое тщеславие?

Тимон

Ну, если ты снова начинаешь сыпать бранью, я тебя не желаю слушать.
Прощай и возвращайся с другими песнями.

Апемант

Так! Ты не хочешь слушать? И не надо.

Запру я вход тебе на небеса.

Зачем не могут люди правды снести

И слушают охотно только лесть?

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Там же. Комната в доме одного из сенаторов. Входит сенатор с бумагами в руке.

Сенатор

Пять тысяч у Варрона; Исидору
Он должен десять; а с моими вместе
Составит это тысяч двадцать пять,
И нет конца его безумным тратам.
Он разорится быстро. Коль нуждаюсь
В деньгах я, стоит мне украсть собаку
У нищего и подарить Тимону,
Как пес начнет чеканить деньги мне!
Продать ли лошадь надо, чтоб купить
Других, получше, — дай ее Тимону.
Дай, ничего не попросив взамен,
И сразу же получишь превосходных!
Привратника не держит он; напротив,
Стоит в его воротах зазывала,
С улыбкой приглашая в дом прохожих.
Нет, так нельзя. Он, рассуждая здраво,
Не может долго протянуть. — Эй, Кафис,
Ты где?

Входит Кафис.

Кафис

Я здесь. Что приказать угодно?

Сенатор

Надень скорее плащ, беги к Тимону;
Потребуй, чтобы он вернул мне долг.
Не слушай отговорок никаких,
Стой твердо на своем, а если будет
Вертеть в руках он шапку и промолвит:
«Хозяину поклон мой передай»,
Скажи ему, что в крайней я нужде
И мне не обойтись без этих денег,
Что срок расписок всех давно прошел,
Что, веря на слово ему, я сам
Кредит свой подорвал и что, мол, я
Люблю его весьма и почитаю,
Но шею не могу себе свернуть
Из-за его мизинца. Лишь уплата,
А не пустые обещанья может
Меня спасти. Иди к нему немедля
С решительным и самым строгим видом.

Боюсь, Тимон, сверкающий, как феникс,
Ощипанным дроздом казаться будет,
Когда повыдергают у него
Все перья. — Ну, ступай.

Кафис

Бегу.

Сенатор

Бежишь?

Расписки захвати! И в счет поставь

Просроченные дни...

Кафис

Бегу.

Сенатор

Ступай.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зал в доме Тимона. Входит Флавий с пачкой счетов в руках.

Флавий

Ни удержу, ни меры! Сумасшедший!

Швыряет деньги он и не желает

Ни подсчитать расходы, ни покончить

С потоком трат! Он не желает видеть,

Как уплывает от него богатство.

Чем кончится все это? Человека

Нет в мире безрассуднее его,

Но и добрее нету никого.

Как быть? Тимон меня не станет слушать.

Покамест не поймет, что он в беде.

Нет, все ему скажу я напрямик,

Пускай с охоты только воротится.

Увы! Увы! Увы!

Входят Кафис, слуги Исидора и Варрона.

Кафис

Варрон, здорово!

Ты что, за деньгами?

Слуга Варрона

И ты за тем же?

Кафис

И я. — Ты тоже, Исидор?

Слуга Исидора

Ага!

Кафис

Эх, если бы нам заплатили!

Слуга Варрона

Вряд ли.

Кафис

А вот и сам хозяин.

Входят Тимон, Алкивиад, вельможи и другие.

Тимон

Мы, пообедав, снова на охоту,

Алкивиад любезный.

Кафис подходит к нему.

Ты ко мне?

Кафис

Вот перечень долгов всех ваших, сударь.

Тимон

Долгов? Да ты откуда?

Кафис

Из Афин.

Тимон

Мой управитель все тебе уплатит;

Ступай к нему.

Кафис

Но он уж целый месяц

Мне только обещает. Мой хозяин

До крайности нуждается в деньгах

И принужден покорнейше просить,

На ваше благородство уповая,

Долг возратить ему.

Тимон

Мой честный друг,

Пожалуйста, зайти пораньше завтра.

Кафис

Но, господин...

Тимон

Держи себя пристойно.

Слуга Варрона

Я от Варрона...

Слуга Исидора

Я от Исидора;

Он просит срочно уплатить ему...

Кафис

Кабы вы знали, сударь, до чего

Хозяин мой нуждается!..

Слуга Варрона

Ведь вы

Уж шесть недель просрочили с уплатой,

А время...

Слуга Исидора

Господин, ваш управитель

Гонял меня так много раз, что нынче

Умышленно я послан прямо к вам.

Тимон

Постойте, дайте мне вздохнуть...

(Гостям.)

Пройдите,

Друзья мои: я следую за вами.

(Флавию.)

Поди-ка ты сюда. Что происходит?

Зачем меня вдруг стали осаждать

И требовать назойливо уплаты

Давно уже просроченных долгов.

Позоря честь мою?

Флавий

(слугам)

Ну, молодцы,

Сейчас не время толковать об этом;

Вы погодите до конца обеда,

А я пока успею господину

Причину неуплаты объяснить.

Тимон

Так и поступим. — Ты вели получше
Их угостить.

Тимон уходит.

Флавий

Пожалуйте за мной.

Входят Апемант и шут.

Кафис

(слугам)

Погодите-ка, погодите! Вот идет шут с Апемантом, давайте позабавимся.

Слуга Варрона

Ну его к черту, он облает нас.

Слуга Исидора

Чума разрази его, собаку!

Слуга Варрона

(шуту)

Как живешь, дурак?

Апемант

Это ты свою тень спрашиваешь?

Слуга Варрона

Во всяком случае, не тебя.

Апемант

Конечно, нет. Ты спрашиваешь сам себя. (Шуту.) Пошли отсюда!

Слуга Исидора

(слуге Варрона)

Вот на тебе дурак уже и повис.

Апемант

Нет, ты еще стоишь на месте, а не висишь на нем.

Кафис

Кто же здесь дурак?

Апемант

Тот, кто задал вопрос последним. Ах вы, несчастные бездельники и слуги
ростовщиков! Сводники золота с нуждою!

Все слуги

Кто мы такие, Апемант?

Апемант

Ослы!

Слуги

Почему?

Апемант

Потому, что сами не знаете, кто вы, а спрашиваете меня. Поговори с ними, шут.

Шут

Как поживаете, господа?

Слуги

Благодарим; отлично, любезный шут. Что подельывает твоя госпожа?

Шут

Кипятит воду, чтобы шпарить таких цыплят, как вы. Хотелось бы мне видеть вас в «Коринфе»!

Апемант

Отлично! Благодарю!

Входит паж.

Шут

Смотри-ка, вон идет паж моей госпожи.

Паж

(шуту) Что скажешь, военачальник? Что ты делаешь в этой умной компании? — Как поживаешь, Апемант?

Апемант

Хотел бы я иметь во рту прут, чтобы ответить тебе назидательно.

Паж

Прошу тебя, Апемант, прочти мне адреса на этих письмах; не разберу, какое из них к кому.

Апемант

А ты не умеешь читать?

Паж

Нет.

Апемант

Значит, невелика ученость умрет в тот день, когда тебя повесят. Вот это письмо Тимону, а это Алкивиаду. Ступай к ним скорей! Родился ты ублюдком, а умрешь сводником.

Паж

А ты родился псом, как пес с голоду и подохнешь! Не отвечай мне, я уже ушел. *(Уходит.)*

Апемант

Так же поспешно убегаешь ты и от милости богов. — Шут, я не пойду вместе с тобой к Тимону.

Шут

Ты меня оставишь здесь?

Апемант

Если Тимон дома. *(Слугам.)* А вы трое служите трем ростовщикам?

Слуги

Да, только лучше бы они нам служили.

Апемант

И я бы этого хотел... пусть бы они услужили вам так, как палач вору.

Шут

Вы слуги трех ростовщиков?

Слуги

Да, шут.

Шут

Я думаю, нет ни одного ростовщика, который бы не держал на службе шута. Моя хозяйка той же породы, и вот — я ее шут. Когда люди занимают у ваших хозяев, они приходят печальными, а уходят веселыми. А в дом моей госпожи они входят весело и уходят печально. Знаете причину?

Слуга Варрона

Я бы, пожалуй, мог назвать ее.

Апемант

Так назови, чтобы мы могли счесть тебя прелюбодеем и негодяем, что, впрочем, не уменьшит уважения к тебе.

Слуга Варрона

Скажи, шут, а что это такое — прелюбодей?

Шут

Шут в хорошем платье, чем-то смахивающий на тебя. Это призрак. Иногда

он принимает облик вельможи, иногда адвоката, иногда мудреца, у которого помимо философского камушка имеется еще парочка собственных. Частенько является он в облике рыцаря, в общем, бродит этот дух по белу свету во всех видах, которые свойственны человеку, начиная с тринадцати лет до восьмидесяти.

Слуга Варрона

А ты не совсем дурак.

Шут

Так же как и ты не совсем мудрец. Тебе не хватает ровно столько ума, сколько у меня есть глупости.

Апемант

Такой ответ достоин самого Апеманта.

Все

Посторонитесь, посторонитесь, Тимон идет!

Входят Тимон и Флавий.

Апемант

Пойдем со мной, шут, пойдем.

Шут

Я не всегда следую за любовником, наследником и женщиной, но иногда иду за философом. (Уходит вместе с Апемантом.)

Флавий

(слугам)

Уйдите-ка; мы после потолкуем.

Слуги уходят.

Тимон

Я изумлен. Но почему всей правды
Ты не сказал мне раньше? Я ведь мог
Расходы сократить и жить по средствам.

Флавий

Вы не хотели выслушать меня;
Не раз уж я пытался...

Тимон

Вздор! Ты, верно,
Не вовремя пытался иль тогда,
Когда я был не в духе, а теперь
Ты этим хочешь оправдать себя.

Флавий

Мой добрый господин, ведь я, бывало,
К вам приношу счета, кладу на стол,
А вы их прочь кидаете, твердя,
Что в честности уверены моей.
Когда взамен пустячного поларка
Дарили что-то вы в сто крат ценнее,
Я только головой качал и плакал.
Да, я свой долг порою нарушал,
Вас умоляя не сорить деньгами;
Сносил от вас тяжелые упреки,
Когда хотел вам описать правдиво
Отлив доходов и прилив долгов.
Любимый господин мой, хоть и поздно,
Но нужно вам узнать, что все добро,
Которым вы владеете сейчас,
Долгов и половины не покроет.

Тимон

Ну так вели продать мои поместья.

Флавий

Они уж все заложены давно,
И часть из них пропала. Что осталось,
Того едва лишь хватит рот заткнуть
Тем, кто сейчас расписки предъявил...
За ними вслед предъявят и другие.
Что будем делать? Как мы будем жить?
И как же мы расплатимся с долгами?

Тимон

Ведь до Лакедемона простирались
Мои владенья.

Флавий

Господин мой славный,
Весь мир — лишь звук один! Когда бы вы
Могли его отдать в одном дыханье,
Вы скоро с ним расстались бы.

Тимон

Ты прав.

Флавий

Коль в честности моей вы усомнились
Или в умении вести дела,
Посредников строжайших созовите,

Чтобы меня проверить. Бог свидетель
Когда весь дом ваш наводняли толпы
Бездельников и плакали подвалы
От пролитого пьяными вина,
Когда во всех покоях свет горел
И дом наш оглашался диким пеньем,
Я удалялся в брошенный курятник
И слезы лил.

Тимон

Прошу тебя, довольно.

Флавий

О боги, говорил я, как он щедр!
Как много истребили здесь добра
Невежды и шуты сегодня ночью!
Так кто ж посмеет не отдать Тимону
Меч, душу, сердце, голову, все силы?
Добрейшему, достойному Тимону,
Столь царственно великому Тимону?
Увы, нет средств, чтоб снова лесть купить,
И дым ее развеялся мгновенно.
Триумфы пира кратки! Только тучка
Холодная найдет — и мухи сдохли.

Тимон

Довольно проповеди мне читать!..
Однако фальши не было во мне.
Я безрассуден был, но бескорыстен...
Но почему ты плачешь? Неужели
Способен думать ты, что у меня
Друзей не хватит? Успокой же сердце.
Ведь если только я открою кран
В сосуде дружбы и сердца друзей
Я испытаю, денег попросив.
Поверь, что так же будет мне легко
Использовать людей и их богатство.
Как приказать тебе заговорить.

Флавий

Ах, если бы сбылись надежды ваши!

Тимон

Я даже рад своей нужде — в ней благо!
Друзей я испытаю. Вот увидишь,
Как ты насчет моих богатств ошибся.
Друзья — мое богатство! — Эй, кто там?
Фламиний! Все сюда, ко мне! Сервилий!

Сервилий

Мой господин...

Тимон

Я разошлю вас поодиночке... — Ты ступай к Луцию; а ты к Лукуллу; я сегодня охотился с ним. — Ты отправляйся к Семпронию. Скажите, что я полагаюсь на них и рад тому, что обстоятельства вынуждают меня обратиться к ним с просьбой о деньгах. Передайте им, что мне нужны пятьдесят талантов.

Фламиний

Исполним все!

Флавий

(в сторону)

Гм... Луций и Лукулл...

Тимон

(другому слуге)

Ступай к сенаторам. Я оказал

Отечеству немалые услуги

И право на вниманье их имею.

Проси их дать мне тысячу талантов.

Флавий

Я с этого осмелился начать,

Как с самого обычного пути,

Просил их денег дать под вашу подпись,

Но все в ответ качали головами,

И я вернулся с тем же, с чем ушел.

Тимон

Возможно ли? Ужели это правда?

Флавий

Они единодушно заявили,

Что в крайности сейчас... нет денег... сами

Не могут сделать то, чего хотят...

Досадно так... вы человек почтенный...

Они желали бы... Они не знают...

Вы тоже ошибались... Да, бывает,

И благородный человек свихнется...

Желают всяческих удач... Им жаль...

Затем сослались на дела важнее

И ими занялись. Косые взгляды,

Отрывистая речь, кивки немые

Так заморозили меня, что я
Лишился речи.

Тимон

Пусть их судят боги!

Ты, Флавий, не горюй. У этих старцев

Наследственный порок — неблагодарность!

Створожилась и охладела кровь их,

Едва-едва струящаяся в жилах.

Живительным теплом они бедны,

А потому и злы. Чем человек

К могиле ближе, тем грубее он,

Забывчивей...

(Одному из слуг.)

К Вентидию ступай!

(Флавию.)

Прошу тебя, не огорчайся, Флавий!

Ты предан мне и честен и, поверь,

Ни в чем не виноват. На днях Вентидий

Похоронил отца и получил

Наследство. Но когда в беду попал он,

Сидел в тюрьме и брошен был друзьями,

Его спасли лишь пять моих талантов.

Поклон мой передашь ему и скажешь,

Что только крайняя необходимость

Принудила меня ему напомнить

О тех деньгах. Как только их получишь,

Раздай всем тем, кто требует уплаты...

Молчи и даже в мыслях не таи,

Что мне позволят пасть друзья мои.

Флавий

Что ж, вам виднее. Но кто щедр, тому

Все кажутся подобными ему!

Уходят.

АКТ III СЦЕНА 1

Зал в доме Лукулла. Фламиний ждет. К нему выходит слуга.

Слуга

Я доложил господину; сейчас он выйдет к тебе.

Фламиний

Спасибо, приятель.

Входит Лукулл.

Слуга

А вот и мой господин.

Лукулл

(в сторону)

Слуга Тимона! Ручаюсь, что он явился с подарком. Очень кстати, мне как раз сегодня снились серебряные таз и кувшин для умывания. — (Громко.) Здравствуй, Фламиний. Со всем уважением приветствую тебя, честный Фламиний! *(Слуге.)* Принеси вина.

Слуга уходит.

Как поживает благороднейший, достойный, великодушный Тимон Афинский, твой щедрейший господин и повелитель?

Фламиний

Он здоров, сударь.

Лукулл

Я весьма рад тому, что он здоров. А что там у тебя под плащом, милейший Фламиний?

Фламиний

Пустая шкатулка, и только. По поручению моего господина я умоляю вас наполнить ее. Господину моему безотлагательно необходимы пятьдесят талантов, и он послал меня занять эту сумму у вашей милости, нисколько не сомневаясь, что вы сейчас же придете к нему на помощь.

Лукулл

Так-так-так... — «Нисколько, — говоришь, — не сомневаясь?» Увы, он добрейший человек! Благороднейший человек, только уж очень широко живет. Частенько обедал я у него и не раз говорил ему об этом. Я и ужинать ходил к нему нарочно для того, чтобы уговорить его поменьше тратить. Но он не обращал внимания на мои советы, и посещения мои не предостерегли его. У каждого человека есть свои недостатки, а его недостаток — щедрость. Я ему не раз указывал на это, но отучить не смог.

Входит слуга с вином.

Слуга

Пожалуйте, ваша милость, вот вино.

Лукулл

Фламиний, я тебя всегда считал человеком умным. За твое здоровье!

Фламиний

Благодарю вас, ваша милость.

Лукулл

Должен отдать тебе справедливость — ум у тебя гибкий, и ты умеешь приспособливаться к обстоятельствам. Ты умеешь воспользоваться благоприятным случаем, если такой случай тебе подвернется. А это очень хорошее качество. *(Слуге.)* Выйди-ка отсюда!

Слуга уходит.

Подойди поближе, честный Фламиний. Твой господин — человек великодушный, но ты, хоть и пришел ко мне, отлично понимаешь — не время сейчас одалживать деньги, особенно из чистой дружбы, без всякого обеспечения. Вот тебе три солидара; будь другом, зажмурь глаза и скажи Тимону, что не застал меня. Прощай.

Фламиний

Возможно ли, чтоб мир так изменился,

А мы остались теми же, кем были?

(Бросает деньги на пол.)

Проклятая и суетная мерзость,

Лети к тому, чьим стала божеством.

Лукулл

Вот как! Ну, теперь я вижу, что ты дурак и вполне под стать твоему господину.

Фламиний

Пускай монеты эти станут частью

Металла, на котором будешь ты

Гореть в аду. Пускай орудьем казни

Расплавленное золото твое

Там станет для тебя. Ты разве друг?

Скорее язва ты на теле друга.

Холодное, видать, у дружбы сердце

И слабое; оно скисает за ночь,

Как молоко. О боги! Я сейчас

Почувствовал, что ощутит Тимон,

Услышав это. — Негодяй бесчестный!

В желудке у него обед Тимона

Еще не переварен. Как же может

Пойти ему на пользу пища, если
Он сам — отравя. Так пускай тебе
Несут обеды эти лишь болезни.
А станешь умирать — все то, что дал
Тебе Тимон, спасти тебя не сможет
И только слохнуть поскорей поможет!

Уходят.

СЦЕНА 2

Площадь.

Входят Луций и три чужестранца.

Луций

Кто? Тимон? Он мой лучший друг и благороднейший человек.

Первый чужестранец

Нам это известно, хотя мы и незнакомы с ним. Однако могу сообщить вам кое-что, о чем сейчас говорят все. Счастливые дни Тимона кончились, и друзья отшатнулись от него.

Луций

Глупости, никогда не поверю; не может быть, чтобы Тимон нуждался в деньгах.

Второй чужестранец

И все-таки, поверьте, один из его слуг недавно был у Лукулла с просьбой одолжить Тимону некое количество талантов. Скажу вам более: слуга умолял о них, рассказывал о том, как они необходимы, — и все-таки получил отказ.

Луций

Как!

Второй чужестранец

Говорю вам, ему отказали.

Луций

Что за странный случай! Да будут мне свидетелями боги, я стыжусь это слушать! Отказать такому благороднейшему человеку? Невелика честь для Лукулла. Со своей стороны, признаюсь, что, хоть я и получал от Тимона мелкие подарки — деньги, серебряную посуду, драгоценности и прочие безделки, не сравнимые с тем, что он давал Лукуллу, все же, обратись он не к нему, а ко мне, я бы ему никогда не отказал в нескольких талантах.

Входит Сервилий.

Сервилий

Вот счастье, что наконец удалось разыскать Луция, я прямо взмок, бегая за ним... (Луцию.) Почтеннейший господин...

Луций

Рад видеть тебя, Сервилий! А затем — до свиданья! Передай привет моему ближайшему другу, твоему почтенному и добродетельному хозяину.

Сервилий

Осмелюсь доложить, ваша милость, господин мой посылает...

Луций

А! Что же он посылает? Я и так уже обязан ему, он всегда посылает мне что-нибудь! Уж и не знаю, как мне отблагодарить его! Что же он посылает сейчас?

Сервилий

Теперь он посылает вам только свою просьбу, ваша милость. Он просит вас неотложно одолжить ему несколько талантов.

Луций

Он шутит; быть не может, чтоб нуждался Тимон в какой-то тысяче талантов!

Сервилий

Сейчас ему гораздо меньше нужно,
И, если бы не крайняя нужда,
Я так настойчиво вас не просил бы.

Луций

Ты всерьез говоришь, Сервилий?

Сервилий

Клянусь душой, это чистая правда.

Луций

Ну не скотина ли я, что истратил все деньги именно в тот момент, когда мог показать свое благородство! И ведь как не повезло! Только вчера заключил я одну сделку, а теперь теряю из-за нее свою честь! Сервилий, клянусь богами, у меня нет возможности выполнить просьбу Тимона. Ах, скотина я этакая! Верить ли, я сам собирался обратиться к Тимону. Вот эти господа могут подтвердить мои слова. Но теперь, конечно, я за все сокровища Афин не стану просить у него взаймы. Передай от меня нижайший поклон твоему доброму господину. Надеюсь, он не станет плохо думать обо мне потому только, что я не в силах был исполнить его просьбу. Да, вот что еще передай ему... скажи, я в величайшем отчаянии, что не могу услужить такому благородному человеку. Любезный Сервилий, будь другом, передай ему все именно так, как я сказал.

Сервилий

Хорошо, я передам.

Луций

Не беспокойся, Сервилий, за мной услуга не пропадет.

Сервилий уходит.

Первый чужестранец

Да, пошатнулся, видимо, Тимон.

Упав однажды, вряд ли встанет он.

Луций уходит.

Первый чужестранец

Ну, видишь ты, Гостилий?

Второй чужестранец

Как не видеть!

Первый чужестранец

Вот что такое свет! И каждый льстец

Веде, заметь, игру одну и ту же.

Вторым отцом был Луцию Тимон.

Его кредит поддерживал деньгами

И помогал поместье содержать.

Да что там — жалованье слугам даже

Шло из его кармана! Всякий раз

Как Луций пьет, он серебра Тимона

Касается губами. А теперь!

Каким себя чудовищем являет

Неблагодарный человек! Ведь Луций

Отказывает в том сейчас Тимону,

В чем добрая душа не отказала б

И нищему.

Третий чужестранец

Религии противен

Такой поступок.

Первый чужестранец

О себе скажу:

Я за столом Тимона не сидел.

Щедротами его осыпан не был.

Он друга не искал во мне. Но я

Так чту его высокий дух, и честность.

И благородство, и великодушие.

Что, вздумай обратиться он ко мне.

Я все свое добро с ним разделил бы
И лучшую ему бы отдал часть
Так он мне дорог. Но, как видно, людям
Теперь не до сочувствия. Расчет
Над совестью людскою верх берет.

Уходят.

СЦЕНА 3

Покой в доме Семпрония. Входят Семпроний и слуга Тимона.

Семпроний

Зачем тревожить именно меня?
Гм. Почему меня, а не других?
Он мог бы к Луцию тебя послать
Или к Лукуллу. Или вот Вентидий:
Теперь он стал богатым — ведь Тимон
Его избавил от тюрьмы. Все трое
Обязаны ему.

Слуга Тимона

Ах, господин,
Мы испытали их; они на деле
Фальшивую монетой оказались:
От всех отказ получен.

Семпроний

Отказали
Вентидий и Лукулл? Все отказали?
И он послал ко мне? Все трое?.. Вот как!..
Гм... Это очень странно. Значит, я
Последнее прибежище его?
Нет, плохо он относится ко мне!
Друзья, врачам подобно, отказались
Три раза исцелить его, а я
Я после них лечить его обязан?
Меня унизил он! Я возмущен!
Я — на четвертом месте! Как случилось,
Что он, попав в такое затрудненье,
Не обратился прежде всех ко мне?
По правде говоря, я начал первый
Подарки от Тимона получать,
Но, стало быть, меня он низко ценит,
Что после всех ко мне прибегнул! Нет уж,
Посмешищем всеобщим я не стану
И не желаю дураком считаться.
Когда б сперва меня он попросил,

Ему со всей охотою я дал бы
И втрое больше, может быть. Ступай.
К отказам тех и мой еще прибавь.
Тому, кто унижает честь мою,
Я денег не давал и не даю.
(Уходит.)

Слуга

Превосходно? Ваша милость, видно, изрядный неголай! Нет, создавая человека лицемером, дьявол не знал, что делает. Он сам себе стал поперек дороги. Я убежден, что в конце концов, в сравнении с людской подлостью, он будет казаться невинным созданием. Как успешно старается этот вельможа показать себя мерзавцем! Он прикрывается добродетелью, чтобы творить зло, подобно тем людям, что под личиной пламенного благочестия испепеляют целые государства. К этому же сорту достоинств относится в его политическое дружелюбие.

Последнюю надеждой господина
Он был. Теперь остались только боги.
Друзья исчезли. Дверь, что много лет
Привратника не знала и затворов,
Должна закрыться наглухо теперь
И спрятать господина своего,
Нет у него сейчас пути другого.
Кто не сумел богатство соблюсти,
Тому сидеть осталось взаперти.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Зал в доме Тимона. Входят двое слуг Варрона и слуга Луция; они встречают Тита, Гортензия и других слуг кредиторов Тимона, ожидающих его выхода.

Первый слуга Варрона

Рад видеть вас! — Гортензий, Тит, здорово!

Тит

Здорово, друг Варрон.

Гортензий

И Луций здесь?

Вот ловко мы сошлись.

Слуга Луция

Да, и, пожалуй,

Все за одним и тем же. Я, к примеру,

За деньгами.

Тит
Я тоже... И они.

Входит Филот.

Слуга Луция
А, и Филот явился.

Филот
Добрый день!

Слуга Луция
Здорово, старина. Который час?
Не знаешь?

Филот
Скоро девять.

Слуга Луция
Как, уже?

Филот
А что, Тимон еще не выходил?

Слуга Луция
Нет.

Филот
Странно. Ведь обычно он сияет
С семи, подобно солнцу.

Слуга Луция
Так-то так,
Да стал его денек теперь короче.
Конечно, жизнь транжир подобна солнцу,
Но с тою разницей, что, закатившись,
Она уж не взойдет. Я опасаюсь,
Что в кошельке Тимоновом — зима;
Хоть вдоль и поперек обшарь его,
Гроша там не найдешь.

Филот
Боюсь, что так.

Тит
Но вот что удивительно: тебя
Прислал хозяин за деньгами?

Гортензий

Верно.

Тит

Хозяин твой сам носит бриллианты,

Дареные Тимоном, — и с него же

Он деньги требует!..

Гортензий

Не по душе

Мне это все...

Слуга Луция

И вот, заметь, что странно:

Тимону ведь платить придется больше,

Чем должен он. К примеру, твой хозяин

Взыскать с него за бриллианты хочет,

Которые Тимон ему дарил!

Гортензий

Как мне противно это порученье!

Мой господин — об этом знают боги

Его деньгами пользовался часто;

И быть теперь таким неблагодарным

Да это хуже воровства!

Первый слуга Варрона

Я должен

Взыскать три тысячи. А ты?

Слуга Луция

Я — пять.

Первый слуга Варрона

Да, это больше. Видно, твой хозяин

Дружил с ним больше моего, — иначе

Претензии их были бы равны.

Входит Фламиний.

Тит

Вот один из слуг Тимона.

Слуга Луция

Фламиний! Одно слово, приятель! Скажи на милость, скоро выйдет твой
господин?

Фламиний

Нет, не скоро.

Тит

Мы его дожидаемся. Будь другом, доложи ему.

Фламиний

Незачем докладывать, он и сам знает, что вы не в меру усердны. (Уходит.)

Входит Флавий, прикрываясь плащом.

Слуга Луция

Кто это? Не Тимона ль управитель?

С чего это закутался он так?

Того гляди, как облако растает

И ускользнет от нас. Скорей зовите,

Зовите же его!

Тит

Эй, эй! Пойдите!

Послушайте.

Первый слуга Варрона

Минутку погодите!

Флавий

Что вам, друзья?

Тит

Мы, сударь, денег ждем.

Флавий

Ах, если б наши деньги были так же

Верны, как верно то, что их вы ждете,

Нам было бы спокойней. Почему

Вы нам счетов не предъявляли раньше,

Когда сидели за столом Тимона

Угодливые ваши господа?

Смеясь и забывая о долгах,

Они тогда проценты только брали

Утробой ненасытной своей!

Оставьте же меня, не унижайтесь.

Позвольте мне пройти. У нас отныне

Все решено с хозяином моим.

Я кончил счет убытков и потерь.

Ему же тратить нечего теперь.

Слуга Луция

Такой ответ нам не годится.

Флавий

Значит,

И сами ни на что не годны вы,

Ведущие дела у негодяев.

(Уходит.)

Первый слуга Варрона

Что там бормочет этот отставленный управитель?

Второй слуга Варрона

Какая разница? Он беден и, значит, достаточно наказан. Кто может разговаривать смелее человека, которому негде голову преклонить? Такому не грех бунтовать и против роскошных дворцов.

Входит Сервилий.

Тит

А вот и Сервилий. Наконец-то мы получим разумный ответ.

Сервилий

Умоляю вас, друзья, выберите другое время, вы меня этим крайне обяжете.

Клянусь душой, мой господин страшно разгневан. Обычное спокойствие покинуло его, он болен и не оставляет своей комнаты.

Слуга Луция

Иной хоть и не болен, а запрется.

Но если занемог он в самом деле,

То лучше бы скорей долги вернул

И тем себе расчистил путь на небо.

Сервилий

О боги!

Тит

Это не ответ!

Фламиний

(за сценой)

Сервилий!

На помощь! — Господин мой, успокойтесь!..

Входит Тимон в припадке бешенства; за ним следует Фламиний.

Тимон

Как! Дверь моя меня не пропускает!

Я был всегда свободным, а теперь

Мой дом — мне враг, он стал моей темницей,

И место пиршеств ныне — как весь мир

Железное свое мне кажет сердце.

Слуга Луция

Тит, начинай.

Тит

Вот счет мой, господин.

Слуга Луция

И мой.

Гортензий

Взгляните, ваша милость.

Слуги Варрона

Вот наши, господин.

Филот

А вот мои.

Тимон

Ну, сбейте ими с ног меня! Рубите

До пояса!

Слуга Луция

Ах, добрый господин...

Тимон

Из сердца моего чеканьте деньги.

Тит

Мне пятьдесят...

Тимон

Сосите кровь мою!

Слуга Луция

Пять тысяч крон...

Тимон

Пять тысяч капель крови

За них отдам я. — А тебе? — Тебе?

Первый слуга Варрона

Но, господин мой...

Второй слуга Варрона

Господин...

Тимон

Терзайте.

На части рвите, — покарай вас небо!

(Уходит.)

Гортензий

Вижу я, что господа наши могут распрощаться со своими денежками. Вот уж поистине эти долги можно назвать безумными — должник-то ведь сумасшедший.

Уходят.

Входят Тимон и Флавий.

Тимон

Я чуть не задохнулся. Это черти,

А не заимодавцы!

Флавий

Ваша милость...

Тимон

(подумав)

А если сделать так...

Флавий

Мой господин...

Тимон

Да-да, я так и сделаю... — Эй, Флавий!

Флавий

Я здесь.

Тимон

Усерден, как всегда. Ступай

Зови моих друзей сюда — Лукулла,

Семпрония, и Луция, и прочих;

Еще раз пир задам мерзавцам этим.

Флавий

Ах, лишь из-за душевного расстройства

Такие речи вы ведете, сударь;

У нас нет денег, чтобы угостить,

Пусть даже скромно...

Тимон

Не твоя забота.

Ступай, я приказал; в последний раз
Ты впустишь эту стаю воронья:
Мы угостим их — повар мой и я.

Уходят.

СЦЕНА 5

Зал сената. Сенаторы заседают.

Первый сенатор

Вполне согласен с вами; свершено
Кровавое злодейство, и за это
Он должен умереть! Ничто греха
Не поощряет так, как снисхождение.

Второй сенатор

Да, правильно. Он будет осужден!

Входит Алкивиад со свитой.

Алкивиад

Сенату — процветания и славы!

Первый сенатор

Чего желаешь ты, Алкивиад?

Алкивиад

Взываю как смиренный челобитчик
Я к вашим добрым чувствам. Добродетель
Закона — сострадание; лишь тираны
Безжалостны в суде. Судьба и время
На одного из близких мне друзей
Жестоко ополчились; в раздраженье,
Презрев закон, он пал в такую пропасть,
Откуда не спастись. Он человек
(Оставив в стороне его вину),
Исполненный достоинств высочайших,
Который в преступлении своем
Не подлостью был движим. Искупил он
Проступок этот доблестью своей.
Так горячо и в благородном гнев
Напал он на врага лишь потому,
Что честь его тот оскорбил смертельно,
Но так достойно с ним себя он вел,
Так доблестно на поединке бился
И так держал в узде свой гневный пыл,
Как если бы не в бой, а в спор вступил,

Первый сенатор

Ты, право, до нелепости дошел,
Стремясь поступок низкий приукрасить.
Твои все речи сводятся к тому,
Чтоб узаконить подлое убийство
И в доблесть буйство возвести. Оно же
Есть доблести побочное дитя
И родилось на свет одновременно
С интригами и распрями людскими.
Поистине же доблестен лишь тот,
Кто с мудростью невозмутимой сносит
Из оскорблений худшее и кто
К любым обидам так же равнодушен,
Как к старому изношенному платью,
Кто их не принимает близко к сердцу
И свой покой хранит. Обида — зло,
Ведущее к убийству! Значит, тот
Глупец, кто жизнью ради зла рискнет.

Алкивиад

Но...

Первый сенатор

Зря ты обеляешь преступленье:
Не в мстительности доблесть, а в терпенье.

Алкивиад

Простите мне, почтенные отцы,
Солдатский мой язык. Но для чего же
Идут в сраженье люди, не снося
Угроз противника? И почему
Они их не глотают и врагу
С готовностью не подставляют горло?
В терпенье — доблесть? Что же нам тогда
На поле битвы делать? Если так,
То жены наши доблестнее нас:
Они ведь, сидя дома, все выносят.
Выходит, что осел отважней льва,
Преступник в кандалах — мудрей судьи.
Раз мудрость заключается в терпенье.
Сенаторы! Великие мужи!
Исполнитесь же к ближнему любовью!
Ведь только человек с холодной кровью
Легко уймет свой гнев. Убийство — грех;
Но защищаться — это право всех!
Вы скажете, что гнев позорит нас.
Но кто во гневе не бывал хоть раз?
Вину его так именно и взвесьте.

Второй сенатор

Напрасно время тратишь ты.

Алкивиад

Напрасно?

А подвиги, которые свершал он

И в Византии и в Лакедемонe?

Они одни уже могли б служить

Достойным выкупом за жизнь его.

Первый сенатор

Ты что в виду имеешь?

Алкивиад

Он отчизне

Немало оказал услуг важнейших

И уничтожил множество врагов.

Он храбрость беспримерную явил

В последней битве и нанес врагу

Урон изрядный...

Второй сенатор

И себя изрядно

Вознаградил при этом. Он буян,

Чье ремесло — разгул и непотребство.

Есть у него порок, который топит

Весь ум его и в плен уводит храбрость

Да будь безгрешен он во всем другом,

То одного бы этого хватило,

Чтоб осудить его бесповоротно!

В неистовстве поистине зверином

Он многократно нарушал законы

И затевал кровавую резню.

Давно уже предупреждали нас,

Что в пьянстве и разгуле он погряз.

Первый сенатор

Он должен умереть.

Алкивиад

Жестокий рок!

Он мог бы умереть на поле боя...

Почтенные сенаторы, ну что же,

Коль дела нет вам до его заслуг

Хоть оправдать себя легко он мог бы

Одной рукою правой и не быть

Ни у кого в долгу, — то, для того

Чтоб ваше сердце тронуть, я прошу
К его заслугам и мои прибавить,
Соединив их вместе. А поскольку
В преклонном возрасте желают люди
Гарантии иметь, клянусь я честью
И славой полководца, господя,
Что он свой долг уплатит. Ну а если
Закон его присудит к смерти — пусть
Ее найдет он в битве. Ведь война
Не меньше правосудия грозна.

Первый сенатор

Поступим по закону мы! Умолкни
И уходи. Будь нам он друг иль брат,
Но, если кровь чужую пролил он,
Отдать свою велит ему закон.

Алкивиад

Ужели так и будет? Нет! Прошу вас,
Припомните, с кем говорите!

Второй сенатор

Как!

Алкивиад

Да, вспомните, кто я такой.

Третий сенатор

Что, что?

Алкивиад

От старости меня вы позабыли,
Иначе мог ли получить от вас
В такой ничтожной просьбе я отказ?
Вы раны мне разбередили.

Первый сенатор

Ты

Наш гнев навлек. Хоть мы немногословны,
Но действуем решительно. Ты изгнан
Навеки из Афин отныне.

Алкивиад

Я?

Я изгнан из Афин? Изгнали б лучше
Вы старческое ваше слабоумье
И беззастенчивое лихоимство,
Позорящие весь сенат.

Первый сенатор

Коль ты

Чрез два восхода солнца не уйдешь.

Жди более сурового суда.

А чтобы нам покончить с этим делом,

Твой друг умрет немедля.

Сенаторы уходят.

Алкивиад

Пусть же боги

Продлят вам годы жизни, чтобы вы

Иссохли, как скелеты, чтоб ваш вид

Противен взору стал. Как я взбешен!

Когда я сдерживал напор врагов.

Вы с жадностью считали барыши

И деньги отдавали под проценты.

А все мое богатство — только раны.

И вот — награда мне! Вот он, бальзам,

Который пролил ростовщик-сенат

На раны воина! Изгнать меня!

Недурно! А пожалуй, я доволен!

Есть повод моему излиться гневу.

Теперь я нанесу удар Афинам.

Сенатом недовольные войска

Я подниму и во главе их встану.

Бить сильных — честь. Обидчикам своим

Мы, воины, богам подобно, мстим!

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Пиршественный зал в доме Тимона. Музыка. Накрытые столы; вокруг них гости. В разные двери входят вельможи, сенаторы и другие приглашенные.

Первый гость

Желаю вам всех благ.

Второй гость

И вам так же. Сдается мне, что давеча наш почтенный Тимон хотел только испытать нас.

Первый гость

Как раз об этом я думал, когда мы встретились. Надеюсь, дела его не так плохи, как он хотел показать, испытывая своих друзей.

Второй гость

Совсем не плохи, судя по новому пиру.

Первый гость

И я так считаю. Он прислал мне настойчивое приглашение, от которого я сперва вынужден был отказаться из-за множества спешных дел. Но он так упрашивал меня, что мне пришлось согласиться.

Второй гость

Я точно так же был занят неотложнейшим делом, но он и слышать не хотел об отказе. Жаль, что, когда он присылал ко мне за деньгами, у меня их как раз не было.

Первый гость

Теперь, когда я понимаю, как обстоят дела, я тоже вне себя.

Второй гость

Здесь каждый готов себе локти кусать. Сколько он просил взаймы у вас?

Первый гость

Тысячу золотых.

Второй гость

Тысячу золотых!

Первый гость

А у вас?

Третий гость

Он присылал ко мне за... Да вот он сам!

Входит Тимон со свитой.

Тимон

Приветствую вас от всей души! Как поживаете?

Первый гость

Наилучшим образом, когда слышим, что и вы здоровы.

Второй гость

Ласточка не так охотно следует за летом, как мы за вами.

Тимон

(в сторону)

И не более охотно бежит от зимы. Да, люди — перелетные птицы. (К гостям.) Господа, боюсь, трапеза не вознаградит вас за столь долгое ожидание. Насыщайте пока свой слух музыкой, если звуки труб не слишком резки для вас. Сейчас нам подадут обед.

Первый гость

Надеюсь, вы не обиделись, Тимон, что я отослал вашего слугу с пустыми руками?

Тимон

Чепуха! Пусть это вас не беспокоит.

Второй гость

Благородный Тимон...

Тимон

Что скажете, мой добрый друг?

Слуги вносят и подают несколько закрытых блюд.

Второй гость

Благороднейший Тимон, я сгораю со стыда из-за того, что, когда вы вчера присылали ко мне за деньгами, мой карман, к несчастью, был пуст, как у последнего нищего.

Тимон

Не стоит об этом думать.

Второй гость

Прислали бы вы двумя часами раньше...

Тимон

Не терзайте себя воспоминаньями. — Эй, подавайте все сразу.

Второй гость

Закрытые блюда!

Первый гость

Царское угощение, ручаюсь вам.

Третий гость

Не сомневайтесь, здесь подадут все, что можно достать за деньги в это время года.

Первый гость

А, здравствуйте! Что нового?

Третий гость

Слышали вы, что Алкивиад изгнан?

Первый и второй гости

Алкивиад изгнан!

Третий гость

Да, в этом нет никаких сомнений.

Первый гость

Что? Что?

Второй гость

Умоляю, скажите, из-за чего?

Тимон

Достойные друзья мои, прошу вас!

Третий гость

Потом расскажу вам подробнее. Нам предстоит роскошный пир.

Второй гость

Тимон остался прежним Тимоном.

Третий гость

Долго ли он продержится? Долго ли?

Второй гость

Держится пока. Но придет время... и...

Третий гость

Я понимаю.

Тимон

Прошу каждого занять место с такой же поспешностью, с какою бы он устремился к губам своей возлюбленной. Кушанья сегодня у всех будут одинаковые. Не устраивайте церемоний, из-за которых блюда успевают простыть, прежде чем гости решат, кто из них займет первое место. Усаживайтесь, усаживайтесь! Теперь вознесем благодарение богам! «Вы, великие благодетели, напитайте наше общество чувством благодарности. Заставьте восхвалять вас за ваши дары, но обязательно оставьте себе что-нибудь про запас, для того чтобы раздавать и впредь, не то вас скоро начнут презирать. Отпустите каждому человеку столько, чтобы ему не пришлось занимать у другого. Ведь если вам, боги, придется занимать у людей, люди отступятся от богов. Пусть гости любят пиры больше тех, кто задает их. Пусть в обществе, где собирается двадцать человек, будет два десятка негодяев. Пусть там, где за столом сидит дюжина женщин, двенадцать из них будут... тем, что они есть. Остальные дары свои, о боги, оставьте афинским сенаторам и презренной черни — пусть все, что в них есть дурного, подлежит отныне уничтожению. Мои же друзья, присутствующие здесь, для меня ничто, а потому ни в чем не будьте к ним благосклонны и обратите их в ничто».

А теперь, собаки, снимите крышки и лопайте!

Гости снимают крышки и видят, что блюда наполнены кипятком.

Несколько голосов

Что он хочет этим сказать?

Другие

Непонятно!

Тимон

Не знать вам лучших пиршеств никогда,

Друзья обжорства! Пар и кипяток

Вот сущность ваша. Нате, получайте

Последнее, что у Тимона есть.

Он долго мишурой своей любви

Вас украшал, но эти украшения

Теперь смывает он, и вам в лицо

Вонючую бросает вашу подлость!

Желаю жить вам долго и в презренье.

Вы гладкие, довольные собой

Бездельники, любезные убийцы,

Вы приживалы, баловни судьбы,

Обжоры, добродушные медведи,

Приветливые волки, паразиты,

Вы стая мух поганых, вы рабы,

Готовые колени гнуть и шапку

Ломать ежеминутно; флюгера,

Вертящиеся по ветру! Пускай

Болезни человека и животных

Коростой с ног до головы покроют

Вас всех, без исключения!

(Одному из гостей).

Что, уходишь?

Постой, лекарство прихвати! И ты...

И ты!..

(Бросает в них блюда.)

Помедли, денег одолжу,

Не попрошу займы! Что, разбежались!

Да будет лучшим из гостей подлец

Отныне на пирах! Всему конец!

Мой город, провались! Сгори, мой дом!

Тимон людскому роду стал врагом.

(Уходит.)

Некоторые гости возвращаются.

Первый гость

Что это значит, господа?

Второй гость

Как можете вы объяснить гнев Тимона?

Третий гость

Тьфу ты! Не видели вы моей шапки?

Четвертый гость

Я потерял плащ.

Первый гость

Он просто безумец и причуды управляют им. На днях он подарил мне бриллиант, а сегодня сбил его с моей шапки. Не видели ли вы моего бриллианта?

Третий гость

Не видели вы моей шапки?

Второй гость

Вот она.

Четвертый гость

Вот валяется мой плащ.

Первый гость

Не задерживайтесь.

Второй гость

Тимон сошел с ума!

Третий гость

Намял бока мне.

Четвертый гость

То нам дарил, то в нас швыряет камни.

Уходят.

АКТ IV СЦЕНА 1

Под стенами Афин. Входит Тимон.

Тимон

В последний раз взгляну на город свой!
Стена, раз ты волкам оградой служишь,
Рассыпся и не защищай Афин!
Матроны, станьте шлюхами; вы, дети,
Почтение к родителям забудьте.
Рабы и дураки, с постов свергайте
Сенаторов морщинистых и важных
И принимайтесь править вместо них.
Цветущая невинность, окунись
В грязь и разврат, распутничай бесстыдно
В присутствии отцов и матерей.
Банкрот, держись, не возвращай долгов.
Хватай свой нож — режь глотку кредитору!
Слуга надежный, грабь своих господ;
Хозяин твой сановный — тоже вор.
Но покрупней и грабит по закону!
Ложись в постель к хозяину, служанка:
Его жена распутничать пошла.
Ты, сын любимый, вырви у отца
Увечного и дряхлого костыль,
И голову ему разбей. Пусть правда,
Мир, благочестье, страх перед грехом,
Религия, законы, справедливость,
Очаг домашний, уваженье к ближним,
Приличья, просвещение, родство,
Обычаи, торговля превратятся
В свою прямую противоположность!
Пусть воцарится хаос! Пусть несчастья,
Заразные и страшные болезни
Падут на обреченные Афины!
Подагра злая, скрючь седых вельмож;
Пусть, как их честность, и они хромают!
Блуд, похоть, проникайте в плоть и кровь
Афинской молодежи! Пусть она,
Теченью добродетели противясь,
В распутстве захлебнется! Семена
Чесотки, язвы гнойной, прорастайте
В груди людей, проказой расцветая!
Одно дыханье, заражай другое,
Вливай отраву в дружбу и любовь!
О ненавистный город! Из тебя
Я уношу одну лишь нищету.

Пусть и твоей она белою станет,
Умноженной проклятьями моими!
Тимон уйдет в леса: там лютой зверь
Добрее человека. О, молю вас,
Внемлите, боги: да падут Афины
За эту стеной и вне ее!
Расти и крепни, ненависть моя!
Отныне враг людского рода я.
Аминь!
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Афины. Комната в доме Тимона.

Входят Флавий и несколько слуг.

Первый слуга

Послушай, управитель, где хозяин?

Он выгнал нас, иль мертв, иль промотался?

Флавий

Увы, друзья мои! Что вам сказать?

Клянусь, я так же неимущ, как вы.

Первый слуга

Беда! Такой богатый дом погиб?

Такой хозяин славный разорился!

Все разбежались; не осталось друга,

Который захотел бы разделить

Его судьбу и с ним уйти.

Второй слуга

Как мы

К приятелю, лежащему в могиле,

Становимся спиной, так отвернулись

И от Тимона все его друзья,

Чуть схоронил богатство он. Остались

Ему от них пустые кошельки

Да клятвы ложные. А он, бедняга,

Как нищий, не имеющий приюта,

Наедине оставшись с нищетою,

Которой все бегут, влачит свой век

В презрении, один... Сюда идут.

Другие слуги.

Входят слуги.

Флавий

Ломаная утварь
Разрушенного дома.

Третий слуга

Я читаю
По лицам вашим, что в душе мы все
В Тимонову облачены ливрею.
Товарищами мы остались с вами,
Служа ему и в этот скорбный час.
Крушенье терпит наш корабль, и мы,
Матросы злополучные, стоим
На палубе кренящейся, внимая
Угрозам волн. Расстаться в море жизни
Нам суждено.

Флавий

Я разделю меж вами
Последнее имущество мое!
Останемся друзьями в честь Тимона,
А встретясь, покачаем головой,
И наши прозвучат тогда слова,
Как похоронный звон его богатству;
«Мы лучшие знавали дни».
(Раздает им деньги.)
Пусть каждый
Возьмет частицу. Протяните руки;
Хотя мы и бедны, но расстаемся
Богатые печалью.

Слуги обнимаются и расходится.

Сколько мук
Приносит слава! Кто не пожелал бы
Проклясть богатство, зная, сколько бед
И горестей идет за ним вослед!
Кто славою прельстится? Кто захочет
Жить, убедясь, что дружба — только сон?
Кто б упивался собственным величием,
Постигнув, что украшено оно,
Как все друзья вокруг, фальшивым блеском?.
Мой бедный господин, ты пал навеки,
Погубленный своею добротой!
Не странно ли, что самый тяжкий грех
Стремление творить добро для всех?
Так кто ж дерзнет хотя б наполовину
Таким же быть, как он, коль доброта
Бессмертных свойство — губит человека?

Мой господин! Ты был благословен,
Чтоб сделаться проклятым; был богат,
Чтоб нищим стать; причина бед твоих
Твое богатство. Добрый мой хозяин,
Бежал ты в гневе от чудовищ этих,
И нечем жизнь поддерживать тебе...
Пойду искать его и с ним останусь;
Пока есть деньги в кошельке моем,
Я буду управителем при нем.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лес и пещера около моря. Входит Тимон.

Тимон

О всеблагое солнце! Извлеки
Сырую гниль из недр земли наружу
И зарази весь воздух под луною
Твоей сестрой. Рожденные на свет
Утробой одною близнецы
Почти неразличимы по зачатию,
Развитию, рождению; но стоит
Судьбе им дать удел неравный, сразу
Счастливец неудачника теснит.
Таков уж от природы человек;
Потоком бедствий всяческих гонимый,
Не может быть он счастлив без того,
Чтоб к ближнему не проявить презренье.
Возвысьте нищих, а вельмож унижьте
И тотчас же изведает сенатор
Презрения наследственного бремя,
А нищий — уваженье и почет.
Один из близнецов от благ тучнеет,
Второго делает худым нужда.
Но кто же гордо, не сгибаясь, встанет,
С чистосердечным мужеством воскликнув:
«Льстец этот человек!» Коль одного
Назвали так, зовите всех льстецами.
Стоящий у подножия удачи
Льстит тем, кто выше влез. Мудрец и тот
Склоняется пред золотым болваном.
Все вкривь идет! Нет ничего прямого
В проклятых человеческих натурах,
За исключением поллости прямой,
А потому — проклятье всем пирам,
Всем сборищам, всем празднествам на свете!

Тимон себя и всех себе подобных
Возненавидел! Гибни, род людской!
(Копает землю.)
Земля, дай мне кореньев, а того,
Кто лучшее найти в тебе замыслит,
Своим сильнейшим ядом услади.
Что вижу? Золото? Ужели правда?
Сверкающее, желтое... Нет-нет,
Я золота не почитаю, боги:
Кореньев только я просил. О небо,
Тут золота достаточно вполне,
Чтоб черное успешно сделать белым,
Уродство — красотою, зло — добром,
Трусливого — отважным, старца — юным,
И низость — благородством. Так зачем
Вы дали мне его? Зачем, о боги?
От вас самих оно жрецов отторгнет,
Подушку вытащит из-под голов
У тех, кто умирает. О, я знаю,
Что этот желтый раб начнет немедля
И связывать и расторгать обеты:
Благословлять, что проклято; проказу
Заставит обожать, возвысит вора,
Ему даст титул и почет всеобщий
И на скамью сенаторов посадит.
Увядшим вдовам женихов отыщет!
Разъеденная язвами блудница,
Та, от которой даже сами стены
Больничные бы отшатнулись, — станет
Цветущей, свежей и благоуханной,
Как майский день. Металл проклятый, прочь!
Ты, шлюха человечества, причина
Вражды людской и войн кровопролитных,
Лежи в земле, в своем законном месте!
Я вновь тебя зарою глубоко.

Доносятся звуки военного марша.

Что это, барабан? — А, ты живуче,
Но все же я похороню тебя!
Ступай обратно, вор, не соблазняй
Хранителей своих. Пстой! Возьму
Немного я себе на всякий случай.
(Берет часть золота.)

Под звуки барабанов и труб входит вооруженный Алкивиад; с ним Фрина и Тимандра.

Алкивиад
Ты кто такой?

Тимон

Животное, как ты!

Пускай твое изгложет сердце язва

За то, что снова человеческий облик

Ты мне явил.

Алкивиад

Но кто ты? Отчего

Ты, человек, не терпишь так людей?

Тимон

Я мизантроп: людей я ненавижу.

Вот будь ты псом, я мог бы хоть немного

Тебя любить.

Алкивиад

А, понял я, кто ты!

Но что с тобою — я понять не в силах.

Тимон

Ты тоже мне знаком. Но больше знать,

Чем это, — не хочу. Ступай же вслед

За барабаном и людскою кровью

Окрашивай все ярче, ярче землю.

Закон богов и суд людской жестокости,

Так чем же быть тогда должна война?

(Замечает Фрину.)

А девка эта может погубить

Людей куда побольше, чем твой меч,

Хоть вид у ней и ангельский.

Фрина

Пусть губы

Твои сгниют!

Тимон

Я целовать тебя

Не стану, значит, на твоих губах

Останется вся гниль.

Алкивиад

Но как ты мог

Так измениться, доблестный Тимон?

Тимон

Да так же, как луна, когда нет света,

Который отражать она могла бы.

Но, как луна, светить я неспособен —.

Нет солнца у меня, чтоб свет занять.

Алкивиад

Достойнейший Тимон, чем я могу

Помочь тебе?

Тимон

Упрочь мой взгляд на мир.

Алкивиад

О бедствиях твоих я много слышал.

Тимон

Ты видел их, когда я процветал.

Алкивиад

Я вижу их теперь. То было время
Блаженное.

Тимон

Как ныне у тебя,
Со сворой шлюх.

Тимандра

Так это он и есть?

Краса Афин, которого весь мир

Превозносил?

Тимон

А ты Тимандра?

Тимандра

Да.

Тимон

Останься же распутницей до смерти.

Ведь те, кто спят с тобой, тебя не любят;

Они несут к тебе одну лишь похоть,

А ты болезни им дари взамен.

Часы распутства с выгодой используй,

Готовь клиентов для больниц; юнцов

Гони к врачам, сажай их на диету!

Тимандра

Чудовище, да ты петли достоин!

Алкивиад

Прости ему, любезная Тимандра.

Его рассудок беды помutilи.
Тимон достойный, очень мало денег
Осталось у меня, и каждый день
Бунтуют потому мои солдаты.
Мне горько было слышать, что Афины,
Презрев твои великие заслуги,
Когда враги на них войною шли,
Забыв, как ты отчизну выручал
Своим богатством и своим мечом...

Тимон

Ударь в свой барабан и будь любезен
Проваливай отсюда!

Алкивиад

Я твой друг.
Мне жаль тебя, мой дорогой Тимон.

Тимон

Ах, жаль? Так не лишай меня покоя,
Хочу я быть один.

Алкивиад

Ну что ж, прощай.
Вот золото; возьми себе немного.

Тимон

Не надо мне. Оно ведь несъедобно.

Алкивиад

Когда в развалины я обращу
Надменные Афины...

Тимон

Ты идешь
Войною на Афины?

Алкивиад

Да, Тимон,
И у меня на это есть причина.

Тимон

Пусть боги их убьют твоей победой,
А после них — тебя.

Алкивиад

Меня? За что?

Тимон

За то, что, убивая негодяев,
Ты был рожден мой город победить.
Спрячь эти деньги. Подойди сюда.
Вот золото, бери его; ступай
И действуй как чума, что возникает
Под губительным влиянием планет,
Когда Юпитер наполняет воздух
Отравою над городом преступным.
Пусть меч твой не минует никого!
Увидев старца с бородой седою,
Пощады не давай: он ростовщик!
Бей насмерть лицемерную матрону:
На вид она честна, на деле — сводня.
Пусть слезы девственниц не притупят
Твой меч; их грудям белизны молочной,
Из-за своих решетчатых окошек
К себе влекущим взоры всех мужчин.
Нет места в книге состраданья, ибо
Предательством напитаны они.
Малюток не щади — улыбки их
И ямочки глупцов лишь умиляют.
Ублюдки эти родились на свет,
Как встарь вещал двусмысленный оракул,
Чтобы тебя со временем прирезать.
Кроши их! Бей! Забудь о милосердьи.
Надень на уши и глаза броню,
Чтоб сквозь нее не проходили слезы
Грудных младенцев, дев и матерей.
Пусть не разжалобит тебя и вид
Слуг алтаря в священном облаченье,
Лежащих пред тобою в луже крови.
Вот золото, плати своим солдатам.
Все истреби! А утолив свой гнев,
Погибни сам. Ни слова! Убирайся!

Алкивиад

Так у тебя есть золото еще?
Возьму его, но твой совет отвергну.

Тимон

Отвергнешь или нет — будь проклят небом!

Фрина и Тимандра

Дай, дай и нам! И нам, Тимон любезный!
Осталось у тебя еще?

Тимон

Да, хватит.

Чтобы заставить шлюху отказаться

От ремесла позорного ее.

А сводню отступить от блудниц.

Вот золото, держите, потаскушки,

Подолы подставляйте! Бесполезно

С вас клятвы брать; не сдержите вы их.

Хоть клясться вы готовы бесконечно.

Ужасно клясться, так, что в небесах

Бессмертные, внимающие вам,

Дрожать, как в лихорадке, начинают.

Не надо клятв. Достаточно с меня.

Что шлюхи вы, и оставайтесь ими;

А если кто благочестивой речью

Наставить вас задумает, — втяните

Его в разврат, зажгите, возбуждайте;

Пусть ваш огонь осилит дым его.

Но только не поддайтесь уговорам.

За этот труд шесть месяцев в году

Трудитесь над собою. На макушки,

Облезшие от блуда, нацепляйте

Волос фальшивых клочья — ничего,

Что срезаны они у мертвецов,

А может, у повешенных, не важно,

Носите их, дурачьте простофиль

И вновь блудите. Красьте лица гуще,

Чтоб лошади на ваших щечках вязли.

К чертям морщины!

Фрина и Тимандра

Ладно, мы согласны!

Давай побольше. Что еще? За деньги

Готовы мы на все.

Тимон

Болезни сейте

В тухлявые тела мужчин, чтоб их

Бессилие и немощь одолели.

Пускай начнет гнусавить адвокат,

Визгливый плут, защитник темных дел.

Слуг алтаря, что плотские утехи,

Самим себе не веря, осуждают,

Заразой наделяйте. Разрушайте.

Проваливайте до костей носы

У тех, кто, чуя личный интерес,

Лишен чутья к общественному благу.

Плешивьте негодяев завитых,

Вредите с беспощадностью жестокой
Войною пощаженным хвастунам.
Всех заражайте! Иссушить старайтесь
Источники людского плодородья!
Вот золото еще — губите всех
И погибайте сами. Пусть могилой
Послужит вам вонючая канава.

Фрина и Тимандра

Давай, давай нам, щедрый муж, советы
И золота еще.

Тимон

Нет, вы сперва
Явите больше зла и непотребства:
Задаток дан вам.

Алкивиад

Бейте в барабаны,
И — на Афины! Ну, прощай, Тимон!
Приду к тебе, коль жлет меня удача.

Тимон

А если не увидимся с тобой,
То это я сочту своей удачей.

Алкивиад

Ведь зла тебе не делал я.

Тимон

Нет, делал,
Хваля меня.

Алкивиад

Ты это злом зовешь?

Тимон

Да, опыт мой об этом говорит.
Проваливай и забирай всю свору.

Алкивиад

Мы только злим его! Бей в барабан!

Бьют барабаны. Алкивиад, Фрина и Тимандра уходят.

Тимон

Не удивительно ль, что человек,
Пресытившийся злобою людскою,

Еще способен голод ощущать!

(Копает землю.)

О ты, природа, мать всего живого,
Ты, чье неисчерпаемое чрево
И грудь неистощимая рожают
И кормят все живое на земле,
Родишь ты из материи одной
И своего надменного ребенка
Тщеславного, пустого человека,
И черных жаб и ящериц блестящих,
И злых слепых червей и синих змей,
И все, что есть мерзейшего под небом,
Огнем Гипериона озаренным.
Даруй же ненавистнику людей
Из глубины твоей неизмеримой
Один ничтожный корень. Искуши
Утробу плодородную твою,
И пусть она на свет не производит
Людей неблагодарных. Жизнь давай
Волкам, драконам, тиграм, львам, медведям
И чудищам, которых небосвод
Наш мраморный не видел! Вот он, корень!
Земля, спасибо! Засухой спали
Все виноградники, поля, луга,
Изодранные плугом человека,
Где он, неблагодарнейший, находит
Обилье яств, пьянящие напитки,
Что грязью светлый ум его пятнают,
Вконец лишая сердца и рассудка.

Входит Апемант.

Опять здесь человек. Чума! Чума!

Апемант

Меня сюда послали. Ходят слухи.

Что стал ты жить и поступать, как я.

Тимон

Да, потому что ты не держишь пса.

Который был бы для меня примером.

Чтоб ты издох!

Апемант

Ну, это напускное!

Ты впал в постыдно жалкое унынье.

Рожденное превратностью судьбы.

К чему тебе пещера? Заступ этот?

И мрачный вид? И рабская одежда?
Твои льстецы в шелках спокойно ходят,
И пьют вино, и спят на мягком ложе,
Вдыхая ароматы благовоний:
Они давно забыли, что на свете
Когда-то жил Тимон. Срамишь ты лес,
Разыгрывая роль врага людского.
Стань сам льстецом и преуспеть старайся
В том, что тебя сгубило! Гни колени;
Пусть каждый вздох владыки твоего
С тебя долой срывает тотчас шапку;
Хвали его гнуснейшие пороки,
Превозноси их. Ведь с тобою тоже
Так делали, а ты, развесив уши,
Бывало, как трактирщик, зазывал
Всех шедших мимо негодяев в гости:
Так есть резон, чтобы и сам ты стал
Мошенником; разбогатеешь снова
И снова все мошенникам раздашь.
А на меня похожим быть не думай.

Тимон

Похожим на тебя? Тогда б отверг
Я сам себя.

Апемант

Ты сам себя отверг,
Еще когда ты был самим собою.
Ты долго сумасбродствовал, а ныне
Стал дураком совсем. Ты полагаешь,
Что шумный твой слуга холодный ветер
Тебе рубашку станет согревать
Иль что к тебе в пажы наймутся эти
Деревья, пережившие орлов,
И будут бегать за тобою? Разве
Ручей холодный, подслащенный льдом,
Заменит освежающий напиток,
Что глушит после кутежей ночных
Поганый вкус во рту? Зови к себе
Всех, кто живет нагими и без крова,
Сопrotивляясь грозным небесам;
Кто вынужден сносить борьбу стихий,
Но остается верным лишь природе,
Вели им льстить тебе, и ты увидишь...

Тимон

Что ты дурак. Проваливай.

Апемант

Таким

Ты нравишься мне более, чем прежде.

Тимон

А ты теперь мне более противен.

Апемант

Но чем же?

Тимон

Льстишь ты нищете.

Апемант

Неправда.

Я просто говорю: ты — трус.

Тимон

Зачем

Ты отыскал меня?

Апемант

Чтоб побесить.

Тимон

Забава подлецов и дураков.

Ты в этом удовольствии находишь?

Апемант

Да, нахожу.

Тимон

Что? Так и ты подлец?

Апемант

Когда бы жизнь суровую ты выбрал,

Чтоб гордый нрав смирить, сказал бы я:

Весьма похвально это. Но ведь ты

Так не по доброй воле поступил.

Не будь ты нищим — вновь бы стал вельможей.

Желанная нужда переживает

Непрочный блеск богатства и всегда

Награждена бывает. Если полным

Довольство не бывает никогда,

То нищета довольствуется малым.

Мучительно богатство без довольства,

И хуже во сто раз, чем нищета,

Довольная собою. Ты столь жалок,

Что можешь только смерти пожелать...

Тимон

...Но по иной причине, чем считает
Тот, кто еще ничтожнее меня.
Да где тебе понять, несчастный раб!
Тебя Фортуна ласковой рукой
С любовью никогда не обнимала,
А била как собаку. Если б ты,
Подобно мне, поднялся с детских лет
По всем ступеням наслажденья жизнью,
Командуя толпою слуг покорных,
Ты с головой в разврате бы увяз,
В постелях шлюх растрачивая юность,
И ледяному голосу рассудка
Не стал бы ты внимать, а рвался б жадно
К желанному куску. Но для меня
Вселенная кондитерской являлась:
Так много языков, сердец и глаз
И уст служили мне, что я не знал
Куда девать их; был покрыт я ими,
Как дуб — листвою; но дунул зимний ветер,
И листья разлетелись. Одинокий,
Нагой оставлен я на волю бурь;
И на меня, кто ведал лишь добро,
Легло все это бременем тяжелым.
Но ты — ты начал жизнь свою с лишений
И закалился в них. Так почему же
Людей ты ненавидишь? Вель тебе
Они не льстили. Что давал ты им?
Коль хочешь проклинать, так прокляни
Ты своего отца за то, что он,
Оборвыш грязный, в час дурной сошелся
С какой-то попрошайкой и тебя,
Наследственную голь, соорудил.
Прочь! Не родись ты худшим из людей,
Ты тоже был бы плутом и льстецом!

Апемант

А ты и до сих пор гордишься?

Тимон

Да,
Горжусь, что я — не ты.

Апемант

А я горжусь,
Что не был расточителем.

Тимон

А я

Что им остался. Будь в тебе одном

Мое богатство все, я и тогда

Повеситься тебе велел бы! Прочь!

(Ест корень.)

Ах, если б в нем была заключена

Вся жизнь Афин, — ее бы я сожрал.

Апемант

(протягивая ему другой корень)

Возьми, хочу я пир украсить твой.

Тимон

Ты общество мое сперва укрась

Своим уходом.

Апемант

Лучше я украшу

Свое — твоим отсутствием.

Тимон

Нет, так

Его ты не украсишь, а испортишь.

Не то я сам бы этого хотел.

Апемант

Чего же ты Афинам пожелаешь?

Тимон

Чтоб вихрем буйным ты по ним пронесся.

А хочешь — передай, что у меня

Есть золото. Ты видишь — вот оно.

Апемант

Какой же смысл в нем здесь?

Тимон

Большой и важный.

Оно тут спит и злу не служит.

Апемант

Где же

Ты ночью спишь?

Тимон

Под тем, что надо мной.

Где кормишься ты днем?

Апемант

Где вижу пищу.

Тимон

Ах, если б яд был веществом послушным...

Апемант

Куда бы ты послал его, Тимон?

Тимон

Твою еду приправить, Апемант.

Апемант

Ты в жизни никогда не знал золотой середины, тебе ведомы лишь крайности. Когда ты ходил в надушенных, расшитых золотом одеждах, люди смеялись над твоей чрезмерной изысканностью, В лохмотьях ты потерял ее — и теперь тебя презирают за ее отсутствие. Вот возьми кизил, съешь его.

Тимон

Я не ем того, чего терпеть не могу.

Апемант

Терпеть не можешь кизила?

Тимон

Да, он такой же кислый, как ты.

Апемант

Вот если бы ты раньше терпеть не мог кислых льстецов, теперь ты куда больше любил бы себя. Приходилось тебе когда-нибудь видеть расточителя, которого бы любили после того, как он лишился состояния?

Тимон

А видал ты когда-нибудь, чтобы любили человека, не имеющего состояния, о котором ты говоришь?

Апемант

Я такой человек.

Тимон

Я понимаю тебя; ты имел средства держать собаку.

Апемант

Как ты полагаешь, кто больше всех на свете похож на твоих льстецов?

Тимон

Женщины. Но мужчины, мужчины — это сама лесть. Что бы ты сделал с миром, Апемант, если бы он находился в твоей власти?

Апемант

Отдал бы его диким зверям, чтобы освободить от людей.

Тимон

И ты согласился бы закончить свое человеческое существование вместе с остальными людьми и остался бы зверем среди зверей?

Апемант

Да, Тимон.

Тимон

Вот животное честолюбие! Да помогут тебе боги достичь цели! Был бы ты львом, лиса надула бы тебя; был бы ты ягненком, лиса съела бы тебя. Был бы ты лисой, лев заподозрил бы тебя, даже если бы обвинял тебя осел. Был бы ты ослом, глупость твоя угнетала бы тебя и жил бы ты для того, чтобы достаться на завтрак волку. Был бы волком, твоя прозорливость мучила бы тебя и ты бы рисковал своей жизнью ради обеда. Был бы ты единорогом, тебя погубили бы гордость и бешенство и ты бы сделался жертвой собственной ярости. Был бы медведем, тебя убил бы конь или сцапал леопард. Был бы леопардом, ты бы находился в кровном родстве со львом, и пятна этого родства вынесли бы приговор твоей жизни. Безопасность твоя заключалась бы в перемене места, защита — в бегстве... Каким животным можешь ты стать, не подчинившись другому животному? И каким животным ты уже стал, что не видишь, как проиграешь от такого превращения?

Апемант

Если бы ты захотел доставить мне удовольствие своей беседой, то мог бы это сделать именно теперь! Афины превратились в лес, полный зверей.

Тимон

Каким образом удалось ослу проломить стену, что ты вдруг очутился за городом?

Апемант

Сюда идут поэт и живописец. Пусть их общество поразит тебя чумой! Я боюсь заразиться и лучше уйду. Когда мне больше нечего будет делать, я снова заверну к тебе.

Тимон

Когда окажешься последним человеком на свете, милости просим. Я бы скорей согласился быть собакой нищего, чем Апемантом.

Апемант

Всем дуракам дурак!

Тимон

Жаль, не настолько

Ты чист, чтоб мог я плюнуть на тебя.

Апемант

Ты слишком гнусен даже для проклятий.

Чума тебя возьми!

Тимон

Любой мерзавец

В сравнении с тобою — чистый голубь.

Апемант

Нет злей заразы, чем твои слова.

Тимон

Едва лишь я твое промолвлю имя,

Как порываюсь бить тебя, да руки

Мне страшно заразить.

Апемант

Хотел бы я,

Чтобы они от слов моих отсохли.

Тимон

Вон! Уходи, отродье псов паршивых!

Я в бешенстве, что ты еще не сдох.

Меня тошнит от вида твоего!

Апемант

Ах, чтоб ты лопнул!

Тимон

Прочь, наглец докучный!

(Бросает в него камень.)

Мне жаль и камень на тебя потратить.

Апемант

Ты скот!

Тимон

Раб!

Апемант

Гад!

Тимон

Подлец, подлец, подлец!

Апемант отходит в сторону.

Я ненавижу этот лживый мир!
Ничто меня не привлекает в нем,
И даже то, что мне необходимо.
Итак, Тимон, готовь себе могилу,
Ты ляжешь там, где будет разлетаться
О камень гробовой морская пена,
И пусть в словах надгробных смерть твоя
Над жизнью человека посмеется.
(Смотрит на золото.)
О ты, приветливый царубийца,
Орудье распри меж отцом и сыном!
О светоносный яркий осквернитель
Чистейшего супружеского ложа!
Отважный Марс! Ты, вечно юный, свежий,
Жених желанный, нежный и любимый,
Чей блеск растапливает снег священный,
Лежащий на коленях у Дианы.
Ты, видимое нами божество,
Несовместимого соединитель,
Ты по любому поводу способно
На языке любом заговорить.
О испытатель душ, вообрази,
Что люди жалкие, твои рабы,
Вдруг взбунтовались! Силою свою
Смертельную вражду посеи меж ними
И править миром предоставь зверям.

Апемант

(выходя вперед)

Пусть будет так, но лишь когда умру я.
Пойду всем расскажу, что ты богат,
И тотчас же к тебе повалят толпы.

Тимон

Что? Толпы?

Апемант

Да.

Тимон

Уйди, прошу тебя.

Апемант

Живи и наслаждайся нищетой.

Тимон

А ты живи, как жил. И так подохни!

Теперь мы квиты.

Апемант уходит.

Снова появились

Полобия людей? Ешь, ешь, Тимон.

И проклинай их всех!

Входят разбойники.

Первый разбойник

Откуда у него может быть золото? Наверно, крохи какие-нибудь, какой-нибудь жалкий остаточек прежнего. Он и в меланхолию-то впал из-за того, что золота у него не стало и друзья отвернулись.

Второй разбойник

Однако все в один голос твердят, что денег у него прорва.

Третий разбойник

Попробуем его повыспросить. Ежели он золотом не дорожит, так и отдаст без разговоров. А вот как это золото получить, ежели он жадничать начнет?

Второй разбойник

Правильно! Золото у него наверняка припрятано, не носит же он его с собой.

Первый разбойник

Не он ли это?

Все

Где?

Второй разбойник

По описанию похоже, что он.

Все

Здравствуй, Тимон.

Тимон

Чего вам нужно, воры?

Все

Мы солдаты,

Не воры.

Тимон

Вы и воры, и солдаты,
И женщин сыновья.

Все

Нет, мы не воры.
А люди, ныне впавшие в нужду.

Тимон

У вас одна нужда — еды побольше.
Так вот смотрите — есть в земле коренья.
Сто родников на протяженьи мили.
Дубы, увешанные желудями.
Шиповника пурпурные плоды.
Природа вам, как щедрая хозяйка.
На всех кустах готовит сытный стол.
Нужда? Что за нужда?

Первый разбойник

Но мы не можем
Травой, плодами и водой питаться.
Как птицы, звери, рыбы.

Тимон

Или есть
Самих зверей, и птиц, и рыб? Я знаю
Должны вы есть людей. Но все ж спасибо
За то, что вы воруете открыто.
Личиною святош пренебрегая.
Хотя у нас в особенном почете
Прикрытое законом воровство.
Ну, подлые мошенники и воры.
Берите — вот вам золото. Сосите
Кровь пьяную из виноградных лоз.
Пока горячка вашу кровь не вспенит.
Тем самым вас избавив от петли.
Врачам не верьте: их лекарства — яд.
На их счету смертей гораздо больше,
Чем краж — на вашем. Вот, берите деньги.
А с ними — человеческие жизни.
Свершайте преступления, свершайте:
Вель это ваше ремесло. Мы видим
Примеры грабежей повсюду. Солнце
Первейший вор, и океан безбрежный
Обкрадывает силой притяженья.
Луна — нахалка и воровка тоже:
Свой бледный свет крадет она у солнца.
И океан ворует: растворяя

Луну в потоке слез своих соленых,
Он жидкостью питается ее.
Земля — такой же вор: она родит
И кормит тем навозом, что крадет
Из испражнений скотских и людских.
Все в мире — вор! Закон — узда и бич
Для вам подобных — грабит без опаски
В циническом могуществе своем.
Прочь! Грабьте же друг друга, ненавидьте
Самих себя. Вот золото еще:
Берите, режьте глотки без разбору.
Все воры, с кем бы вы ни повстречались.
Скорей в Афины! Взламывайте лавки;
Вы грабите грабителей. Смотрите
Не станьте только меньше воровать
Из-за того, что золото вам дал я.
Пусть вас оно в конце концов погубит.
Аминь!
(Уходит в пещеру.)

Третий разбойник

Он чуть не убедил меня бросить мое ремесло, хоть и уговаривал
заниматься им.

Первый разбойник

Да ведь эти советы он давал нам из ненависти к человечеству. А до наших
тайных занятий ему дела нет.

Второй разбойник

Я поверю ему, как врачу, и брошу свое ремесло.

Первый разбойник

Давайте прежде дождемся мира в Афинах. Человек может стать честным в
любое, самое скверное время.

Уходят. Входит Флавий.

Флавий

О боги! Неужели этот жалкий,
Несчастный человек — хозяин мой?
Как низко пал он! Памятник чудесный
Прекрасных дел, поставленный так дурно!
Как изменила страшная нужда
Его когда-то благородный облик!
О, кто гнуснее может быть, чем тот,
Кто друга в бездну горя низведет?
Так диво ль, что врага мы предпочтем
Друзьям, коль верить им нельзя ни в чем?

По мне, открытый недоброжелатель
Достойнее, чем лживый прихлебатель.
Меня заметил он... Всю скорбь сейчас
Я изолью ему. Он господин мой,
И я хочу служить ему, как прежде.

Тимон выходит из пещеры.

Мой дорогой хозяин!

Тимон
Прочь! Ты кто?

Флавий
Как! Вы меня забыли?

Тимон
Для чего
Такой вопрос? Я всех людей забыл,
Ты человек, — так и тебя забыл я.

Флавий
Я бедный, честный ваш слуга.

Тимон
Ну, значит,
Ты мне неведом... Честных я не знаю.
Вокруг меня все были негодяи,
Служившие мерзавцам за столом.

Флавий
О, видят боги, ни один служитель
Так не скорбел о доле господина,
Как я скорблю.

Тимон
Что вижу я? Ты плачешь?
Тогда приблизься. Ты мне полюбился
За то, что стал ты женщиной, нарушив
Обычай мужчин с железным сердцем,
Что плачут лишь от похоти и смеха:
В них жалость спит... Перевернулся свет!
От смеха плачем мы, от горя — нет.

Флавий
Признайте же меня, мой господин!
Поверьте скорби искренней! Позвольте,
Слугой у вас останусь я, покамест

Не исчерпаю скудных средств своих.

Тимон

Как! У меня такой служитель был?
Участливый, честнейший, верный?.. Тронул
Ты душу одичавшую мою.
Дай поглядеть в твое лицо. Бесспорно.
Он женщиной рожден! — Простите мне
Поспешность, боги мудрые, с которой
Я осудил весь мир без исключенья!
Есть честный человек, я признаю,
Но лишь один — не ошибитесь, боги,
Единственный! И тот — всего слуга.
О, как хотел я всех возненавидеть!
Но ты, ты выкупил себя. Пусть так.
Кроме тебя, я проклиная всех!
Однако ты не столь умен, как честен:
Предав меня, ты мог бы вмиг найти
Другую службу; часто ведь въезжают
В дома вторых господ на шее первых.
Скажи по правде — ибо сомневаться
Я должен и тогда, когда все ясно,
Что кроется под верностью твоей?
Не алчность? Не корысть? Не лихоимство?.
Не схоже ль это с даром богача,
Который, принося подарок, хочет
Взамен раз в двадцать больше получить?

Флавий

Нет, дорогой хозяин! Слишком поздно
Проникли в ваше сердце подозренья.
Ах, если бы они явились прежде,
В дни пиршеств! Но пришли они, увы,
Тогда, когда уж обнищали вы.
Нет, мне велит так совесть поступить,
Привязанность к вам, долг мой и любовь
К душе добрейшей, несравненной вашей.
Мне хочется заботиться о вас,
О вашей пище, о жилье... Поверьте,
Высокочтимейший мой господин,
Всю выгоду, которая меня
Ждала бы в будущем или настоящем,
Я променял бы с радостью на то,
Чтоб к вам вернулись слава и богатство,
Вот лучшая награда мне была бы.

Тимон

Так и случилось! Честный человек,

Единственный на свете, вот, возьми!
От нищеты моей послали боги
Сокровище тебе. Иди, будь счастлив.
Тебе я ставлю лишь одно условие:
Прочь от людей! Всех в мире ненавидь.
Всех проклинай! Забудь о сострадании.
И, прежде чем ты нищему подашь,
Пусть мясо у него сойдет с костей
От голода: бросай собакам то,
В чем ты откажешь человеку. Пусть
Людей поглотят тюрьмы! Пусть долги
Их превратят в ничто, смешают с грязью!
О род людской, стань лесом иссушенным!
Пускай недуги людям смерть несут
И кровь их вместе с ложью иссохнут!
Прощай, желаю счастья.

Флавий

О, позвольте
Остаться здесь и утешать вас!

Тимон

Если
Проклятья ты не любишь, удались.
Дай бог, чтоб ты избавлен был судьбой
От встреч с людьми, а я — от встреч с тобой!

Уходят в разные стороны.

АКТ V СЦЕНА 1

Лес. Перед пещерой Тимона. Входят поэт и живописец. Тимон наблюдает за ними из пещеры.

Живописец

Судя по описанию, жилище его должно быть где-то поблизости.

Поэт

Не знаю, чему и верить. Правду ли говорят, что у него так много золота?

Живописец

Несомненно. Алкивиад рассказывает об этом; Фрина и Тимандра получили от него золото, а кроме того, он обогатил бедных бездомных солдат. Говорят, что он дал крупную сумму своему управителю.

Поэт

Значит, его разорение было придумано, чтобы испытать друзей?

Живописец

И ни для чего другого. Вот увидите, он снова появится в Афинах и расцветет, подобно пальме. А посему недурно уверить его о нашей любви, невзирая на его мнимое несчастье. Этим мы докажем свою честность, и, весьма возможно, старания наши будут вознаграждены, если слухи о его богатстве справедливы.

Поэт

Что вы собираетесь преподнести ему?

Живописец

На этот раз ничего, кроме моего посещения. Я лишь пообещаю ему великолепную картину.

Поэт

Я поступлю так же; скажу, что собираюсь написать о нем поэму.

Живописец

Лучше не придумаешь! Обещания как раз в духе нашего времени. Они открывают глаза ожиданию. А вот выполнять их уже скучнее, и, надо сказать, никто этим не занимается, за исключением людей простых и ограниченных. Давать обещания — занятие приятное и модное; выполнять обещания — все равно что составлять духовную: это говорит о тяжелом заболевании составителя.

Тимон выходит из пещеры.

Тимон

(в сторону)

Превосходный живописец! Тебе не нарисовать человека гнуснее, чем ты сам.

Поэт

Сейчас придумаю, что бы такое пообещать ему. Поэма должна олицетворять его самого и быть сатирой на мягкость людей состоятельных; должна обличать льстецов, следующих по пятам молодости и богатства.

Тимон

(в сторону)

Ты хочешь предстать негодяем в своем собственном произведении? Хочешь бичевать в других свои собственные пороки? Хорошо, поступай так! У меня есть золото для тебя.

Поэт

Нет, поскорей пойдем искать его.
Ведь упустив из рук своих барыш,
Ты своему карману сам вредишь.

Живописец

Да, верно.
Ищи того, что ты желаешь, днем,
При свете, а не в сумраке ночном.
Пошли.

Тимон

(в сторону)

Ну, погодите, я сейчас вас встречу!
О золото, какой ты бог могучий,
Коль даже в этом храме, что грязнее
Свиного хлева, молятся тебе!
Да, это ты морскую пену пашешь,
Ведешь суда, почтение внушаешь
К рабам презренным. Будь и дальше чтимо,
И пусть поглотит самый злой недуг
Твоих ретивых и покорных слуг.
Я встречу их!
(Выступает вперед.)

Поэт

Достойнейший Тимон,
Недавний щедрый покровитель наш,
Приветствуем тебя.

Тимон

Возможно ль? Дожил
Я до того, что двух увидел честных?

Поэт

Вы столько делали добра нам, сударь!

Узнали мы, что вы ушли от света,
Предательски покинутый друзьями.
О люди, вы — сама неблагодарность!
Презренные природы! Нет для вас
Достаточно суровой, тяжелой кары!
Как! Вас покинуть, вас, чье благородство,
Сияющее, как звезда, давало
Им все — и положение и жизнь!
Я возмущен, я не могу найти
Слова, в которые облечь возможно
Чудовищный объем измены этой.

Тимон

Не облакай, пускай нагою ходит;
Тем лучше люди разглядят ее.
Раз вы честны, такими и останьтесь.
Природы прочих ярче отенив.

Живописец

Он, как и я, мы шли дорогой жизни
Под благостным дождем твоих даров,
И сознавали это.

Тимон

Да, честны вы!

Поэт

Пришли мы предложить свои услуги...

Тимон

Честнейшие создания! Но как
Воздать мне вам? Едите вы коренья
И пьете ледяную воду? Нет.

Оба

Для вас готовы мы на что угодно.

Тимон

Вы, честные, прослышали, конечно.
Что у меня есть золото, не так ли?
Скажите правду, искренние люди!

Поэт

Есть слух такой, мой добрый покровитель,
Но я и друг мой не затем пришли.

Тимон

Какие честные, прямые души!

(Живописцу.)

А ты, наверно, лучше всех в Афинах
Обман рисуешь. Право, лучше всех.
Обман тебе дается.

Живописец

Я стараюсь.

Тимон

Вот-вот, и я об этом говорю.

(Поэту.)

А что до выдумок твоих, поэт,
Изыществом и нежностью набиты
Твои стихотворенья. Ты, пожалуй,
Еще естественней в своем искусстве.
Но, честные друзья, сказать вам должен,
Что есть один порок у вас, — конечно,
Не столь уж он чудовищен, чтоб вы
Трудились исправляться.

Оба

А какой?

Скажите нам!

Тимон

Обидитесь, пожалуй.

Оба

Нет, будем благодарны...

Тимон

В самом деле?

Оба

Не сомневайтесь, сударь!

Тимон

Дело в том,
Что верите мошенникам вы оба,
Которые вас страшно надувают.

Оба

Ужели, сударь?

Тимон

Да, их ложь и фальшь
Вы слышите, и видите притворство,
И в грязные делишки их проникли,

Но все-таки они любимы вами;
Вы кормите их, преданы вы им,
Хотя, поверьте, это негодяи.

Живописец

Таких не знаю я...

Поэт

И я не знаю...

Тимон

Послушайте, я очень вас люблю
И золота вам дам, избавьтесь только
От этих подлецов. Повесьте их,
Зарежьте, утопите их в канаве,
Иль как-нибудь иначе изведите,
Потом ко мне явитесь. Я вам дам
Немало золота!

Оба

Но кто они?
Скажите имя.

Тимон

Если разойдетесь
Вы в разные концы, то все равно
Любой из вас останется вдвоем;
И стой отдельно каждый друг от друга,
Архиподлец с ним целое составит.

(Живописцу.)

Ты хочешь, чтобы там, где ты стоишь,
Двух негодяев не было, тогда
К нему не приближайся.

(Поэту.)

Хочешь ты,
Чтоб там, где ты находишься, стоял
Один мерзавец, — так покинь его!
Прочь! Сгиньте!

(Бьет их.)

Вот вам золото, мерзавцы!
За ним пришли вы? Для меня трудились?
Что ж, получайте плату! Ты — алхимик,
Так из побоев золото добудь.
Собаки подлые, злодеи! Вон!
(Прогоняет их и уходит в пещеру.)

Входят Флавий и два сенатора.

Флавий

Поверьте, говорить с ним безнадежно:

Так занят он собою, что ему

Противны все другие.

Первый сенатор

Проводи нас

В его пещеру, там уж будет видно.

Афинянам мы дали обещанье

Поговорить с ним.

Второй сенатор

Не всегда бывают

В одном и том же настроенье люди.

Его согнули горести и время;

Но то же время, щедро наградив

Его богатством, может все загладить.

Веди нас. Там посмотрим.

Флавий

Вот пещера.

Да будут в ней покой и мир. — Тимон!

Тимон! Поговори с друзьями. Выйди!

Виднейшие сенаторы Афин

Явились от лица своих сограждан

Приветствовать тебя. Поговори

С вельможами, достойнейший Тимон!

Тимон выходит из пещеры.

Тимон

Испепели их, нежащее солнце!

(Сенаторам.)

Ну, говорите, чтоб вам провалиться!

Пускай нарыв у вас на языке

За слово правды вскочит, а за ложь

Пусть целиком язык сгниет, и вы,

Беседуя, проглотите его.

Первый сенатор

Тимон достойный...

Тимон

...Лишь таких, как вы,

Равно как и Тимона, вы достойны.

Второй сенатор

Тебе, Тимон, сенаторы Афин

Шлют свой привет.

Тимон

Я их благодарю.

Послал бы я чуму им в дар, когда бы

Сумел поймать ее для них.

Первый сенатор

Забудь

То, в чем мы сами каемся теперь.

Сенаторы, явив единодушно

Свою любовь к тебе, покорно просят

В Афины возвратиться снова. Ждут

Высокие посты тебя и слава,

Не премини воспользоваться ими.

Второй сенатор

Признали мы, что ошибались грубо.

Забыв твои заслуги, и сенат.

Меняющий свои решенья редко.

Но осознав, в конце концов, что значит

Твое отсутствие в Афинах, понял.

Что, в помощи Тимону отказав.

Обрек себя он этим на паденье.

Сенат послал нас объявить тебе

О горестном раскаянье своем

И ценную награду предложить.

Которая с избытком возместит

Все прежние тяжелые обиды.

Да, ждут тебя такие груды денег.

Такой почет, что вычеркнут они

Обиды из души твоей и впишут

В нее слова любви, чтоб вечно ты

Читал их.

Тимон

Вы меня очаровали!

Я изумлен до слез! Что ж, если вы

Одолжите мне сердце дурака

И женские глаза, так я поплачу

От ваших слов, достойные вельможи.

Первый сенатор

Будь милостив и с нами возвратишь

В Афины — нашу и твою отчизну.

И стань правителем. Ты будешь встречен

Всеобщей радостью и облечен

Неограниченной и полной властью.

Вновь имя доброе твое начнет
Звучать в устах, как только мы дадим
Отпор свирепому Алкивиаду,
Который, веprü дикому подобно,
С корнями злобно вырывает мир
В своей отчизне.

Второй сенатор

И афинским стенам
Своим мечом ужасным угрожает.

Первый сенатор

Поэтому, Тимон...

Тимон

Что ж, я готов...
И поступлю поэтому я так:
Коль он начнет крошить моих сограждан,
От имени Тимона передайте,
Что дела нет до этого Тимону!
А если он прекрасные Афины
Опустошит, почтенных наших старцев
За бороды таскать начнет, отдаст
Священных наших дев на поруганье
Воине безумной, зверской и жестокой,
От имени Тимона передайте,
Что я, скорбя о старых и о юных,
Сказать ему могу лишь только то,
Что дела нет до этого Тимону.
Пусть дальше зло творит! Об их ножах
Заботиться не стоит вам, покуда
У вас хватает глоток для расправы.
Что до меня, то ножичек карманный
Во вражьем стане выше я ценю,
Чем самое почтеннейшее горло
Афинское. Вверяю вас защите
Богов благоволящих, точно так же
Как вверил бы тюремщику воров.

Флавий

Вы убедились сами, — все напрасно.
Ступайте же.

Тимон

Перед приходом вашим
Надгробную писал себе я надпись,
Ее увидят завтра. Наступает
Конец моим страданиям земным.

В богатстве и здоровье состоявшим.
Ничтожество сулит мне все на свете.
Ступайте! Попытайтесь жить. Пускай
Алкивиад чумою станет вам,
А вы — ему. Удастся жить — живите!

Первый сенатор

Слова напрасно тратим мы.

Тимон

Но все же

Свою страну люблю я и не рад

Всеобщему крушенью, как об этом

Трубит молва.

Первый сенатор

Вот это речь другая.

Тимон

Привет моим любезным землякам!

Первый сенатор

Твои уста слова такие красят.

Второй сенатор

И в уши наши входят, как в ворота

Прославленный вошел бы триумфатор.

Тимон

Поклон мой всем. Скажите им, что я,

Желая их освободить от горя,

От боли, страха пред врагом, потерь,

От мук любви и прочих бед случайных,

Каким подвержен хрупкий челн природы

На трудном жизненном пути, — решил

Им добрую услугу оказать.

Я научу, как надо отвратить

Алкивиада яростную злобу.

Второй сенатор

Мне это нравится. Он к нам вернется.

Тимон

Есть дерево вблизи моей пещеры,

Его срубить я собираюсь вскоре,

Так передайте же моим друзьям,

Афинянам всех званий и сословий:

Кто ищет избавленья от страданий.

Пусть поспешит сюда, пока топор мой
Не уничтожил дерево, и пусть
Повесится на нем! Привет им всем!

Флавий

Не беспокойте же Тимона. Он
Останется таким же, как и был.

Тимон

Не приходите больше, но скажите
Афинянам, что вечное жилище
Воздвиг себе Тимон на берегу,
Который каждый день прилив соленый,
Шумя и пенясь, кроет. Приходите
Туда, и пусть надгробный камень мой
Послужит прорицаньем вам. — Уста,
Излив всю горечь, смолкните навек.
Пускай чума исправит зло! Пусть люди
При жизни создают одни гробы
И смерти, как награды лучшей, ждут.
Затмись, о солнце, больше не свети,
Конец приходит моему пути.
(Уходит в пещеру.)

Первый сенатор

Обида в нем срослась неотделимо
С душой.

Второй сенатор

Нажды наши на него
Все рухнули. Вернемся и посмотрим,
Какие меры могут нашу гибель
Предотвратить.

Первый сенатор

Да, медлить нам нельзя.

Уходят.

СЦЕНА 2

У стен Афин. Входят два сенатора и гонец.

Первый сенатор

Тяжелое открытье! В самом деле
Так многочисленны его войска,
Как ты сказал?

Гонец

И даже больше. Если
Судить по быстроте передвиженья,
Они здесь будут очень скоро.

Второй сенатор

Гибель
Грозит нам, если не вернут Тимона.

Гонец

Я встретил их гонца — он старый друг мой.
Хоть мы и во враждебных лагерях,
Но все ж приязнь осилила вражду,
И мы разговорились с ним. Его
Послал Алкивиад с письмом к Тимону,
Прося Тимона присоединиться
К походу на Афины, потому что
Тимон его причиной был отчасти.

Входят сенаторы, ходившие к Тимону.

Первый сенатор

Вот и собратья наши.

Третий сенатор

О Тимоне
И речи быть не может; все пропало!
Уж слышен барабанный бой врага.
От страшного движенья вражьих войск
Пыль в воздухе столбом стоит. Скорей!
Пора отпор готовить им! Пойдем.
Враг победит, боюсь, и мы падем.

Уходят.

СЦЕНА 3

Лес. Пещера Тимона. Неподалеку виднеется надгробный камень.
Входит воин, разыскивающий Тимона.

Воин

По описанью судя, это здесь.
Эй, кто там? Отзовись! Эй! — Нет ответа.
Да что это? Тимон скончался? Верно.
Зверь растерзал его — людей тут нет.
Конечно, мертв он — вот его могила.

Есть надпись, да читать я не умею.
Не снять ли оттиск воском? Наш начальник
Все письма умеет разбирать,
Он опытен, хоть и не стар годами.
Наверно, осадил уж он Афины,
И цель его — их превратить в руины.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Перед стенами Афин. Трубы. Входит Алкивиад с войском.

Алкивиад
Трубите грозный наш приход Афинам,
Трусливым и развратным!

В Афинах трубят к переговорам. На стены всходят сенаторы.

До сих пор
Вы правили и произвол творили,
Мерилом справедливости считая
Лишь вашу волю. До сих пор и я
И те, кто спал под сенью вашей власти,
Скитались, руки опустив, и тщетно
Скорбь изливали. Но пришла пора
Проснулась сокрушающая сила
В просителе и вырвалась наружу,
Крича: «Довольно!» Наступило время
Покорному страданию усесться
И отдыхать в удобных ваших креслах,
А наглости с набитым кошельком
Бежать и от испуга задохнуться.

Первый сенатор
О молодой достойный вождь, когда
Ты месть еще лелеял только в мыслях
И силы не имел, а мы — причин
Тебя бояться, — мы к тебе являлись
Пролить бальзам на бешенство твое,
Стремясь неблагодарность нашу сгладить
Почтением, ее превосходящим.

Второй сенатор
И мы старались также, как могли,
С Афинами Тимона примирить,
Послав к нему просителей покорных
И обещанья щедрые давая.

Не все неблагодарны мы, не все
Заслуживаем грозного удара.

Первый сенатор

Не те, кто эти стены воздвигал,
Тебе обиду в прошлом нанесли,
Да и не так уж велика она,
Чтоб эти стены, башни, школы пали.

Второй сенатор

Виновников изгнанья твоего
Уж нет в живых! Позор поступка их
Разбил им сердце. Славный вождь, войди
Под сенью реющих знамен в наш город
И каждого десятого казни,
Коль мечь твоя настолько жаждет пищи,
Которую гнушается природа.
Десятой долей удовлетворишь:
Того, кто вынет меченую кость,
Вели казнить.

Первый сенатор

Ты оскорблен не всеми.
Невинный за виновных не ответчик.
Ты должен знать, что не передаются
Проступки, словно земли, по наследству.
Итак, наш соотечественник славный,
Введи войска в наш город, но оставь
За стенами его свой лютый гнев.
Щади Афины — колыбель свою,
И тех людей, кого погубишь ты
С твоими оскорбителями вместе!
К своим стадам, как пастырь, подойди
И отбери животных зараженных,
Но всех не убивай.

Второй сенатор

Того, что хочешь,
Скорей достигнуть можешь ты улыбкой.
Чем прорубая путь мечом.

Первый сенатор

Ворот
Ногой коснешься ты, и пред тобою
Они откроются, когда вперед
Пошлешь ты сердце доброе сказать,
Что входишь к нам как друг.

Второй сенатор

Брось нам перчатку

Или любую вещь в залог того,

Что ты использовать оружие хочешь

Затем лишь, чтобы получить возмездье,

А не губить нас. Пусть твои войска

Войдут к нам и стоят у нас, покуда

Мы всех твоих желаний не исполним.

Алкивиад

Да будет так! Вот вам моя перчатка.

Берите. Вниз спуститесь и откройте

Незащищенные ворота ваши.

Из всех врагов Тимона и моих

Падут лишь те, которых сами вы

Прикажете подвергнуть наказанью,

И более никто. Чтоб вас вполне

В моих благих намереньях уверить,

Я объявляю: ни один солдат

Покинуть своего поста не смеет

Или нарушить жизни ход в Афинах;

Клянусь вам, что ослушник будет призван

К строжайшему ответу по закону.

Оба сенатора

Какие благородные слова!

Алкивиад

Спускайтесь и сдержите обещанье.

Входит воин.

Воин

Начальник храбрый мой! Тимон скончался,

На берегу морском он похоронен.

Пусть эта надпись на его надгробье

И этот мягкий слепок восковой

Ответят за невежество мое.

Алкивиад

(читает)

«Здесь жалкое тело лежит, разлученное с жалкой душою,

Не все ли равно, кем я был. Порази всех вас, небо, чумою!

Себя схоронил здесь Тимон, ненавидевший мир и людей,

Пройдя, прокляните его и ступайте дорогой своей».

Мне ясно, что ты чувствовал пред смертью.

Хоть ты на скорбь людей смотрел с презреньем,

Пренебрегал потоком наших мыслей

И каплями скупыми слез людских,
Но мощный ум твой подсказал тебе,
Как вынудить Нептуна самого
Неутомимо на твоей могиле
Оплакивать прощенные проступки.
Ты умер, благороднейший Тимон,
И мы тебя еще не раз помянем.
Ведите же меня в родной ваш город,
И я соединю свой меч с оливой.
Пускай война рождает мир, а мир,
Войну смилив, отныне будет свят.
Мир и война друг друга исцелят.
Бей, барабан!

Уходят.

А. Аникст. «Тимон Афинский»

Первопечатный текст «Тимона Афинского», опубликованный в фолио 1623 г., давно обратил на себя внимание исследователей некоторыми странностями. Он напечатан между «Ромео и Джульеттой» и «Юлием Цезарем». Типографские признаки дали возможность установить, что первоначально издатели фолио намеревались поместить здесь «Троила и Крессида», но затем у них возникли какие-то трудности (вероятно, связанные с выкупом издательских прав на публикацию этой пьесы), и так как другие пьесы уже были набраны и, по-видимому, отпечатаны, то, чтобы не менять пагинацию на пустое место, надо было что-то вставить. Таким образом «Тимон Афинский» и попал на то место, которое он занял в фолио.

Текст трагедии изобилует ошибками в расположении строк, их делении согласно метрической системе пятистопного ямба; в ряде случаев прозаические реплики разбиты на стихотворные строки, а стихи напечатаны как проза. Многие строки неполны, и непонятно — то ли это дефект рукописи, с которой печатался текст, то ли сознательное авторское указание на длительность пауз при произнесении стиха.

В художественном отношении пьеса очень неровна, что гораздо больше заметно при чтении ее в подлиннике. Наряду с эпизодами, полными шекспировской трагической мощи, есть сцены маловыразительные. Некоторые места текста не очень похожи по стилю на Шекспира. Это следующие эпизоды: I, 2; 1, 3; III, 2; III, 3; III, 5; IV, 2; IV, 3; V, 1. В XIX веке исследователи считали, что эти места текста принадлежат не Шекспиру, а кому-то из современников. Среди возможных соавторов Шекспира называли Хейвуда, Тернера, Уилкинса, Чепмена, Мидльтона.

Американский редактор и комментатор Шекспира Уильям Дж. Ролф в своем издании «Тимона Афинского» (1882), для того чтобы отделить от основного текста те части, которые он не считал шекспировскими, даже напечатал их петитом.

Современное шекспироведение, как и в отношении остальных пьес, склоняется к тому, что не следует относить несовершенства текста трагедии за счет других авторов. Все большее число сторонников завоевывает концепция, согласно которой «Тимон Афинский» — произведение, незавершенное самим Шекспиром. Значительную часть текста драматург написал с подлинно творческим вдохновением, тогда как ряд сцен были только набросаны им и недоработаны в поэтическом отношении.

Как бы то ни было, основной корпус текста составляют сцены, написанные с той поэтической силой и трагической глубиной, которые присущи другим великим творениям Шекспира в трагический период. Критики неоднократно указывали на то, что многое роднит «Тимона Афинского» с «Королем Лиром». И здесь и там, центральной является тема неблагодарности. Есть предположение, что Шекспир якобы сначала взялся за обработку сюжета о Тимоне Афинском, но затем обратился к теме короля Лира и, найдя в ней более благодарный материал, будто бы отказался от завершения «Тимона Афинского». Трудно сказать, насколько данное предположение достоверно. Во всяком случае, оно подводит нас к вопросу о датировке трагедии. Если «Тимон Афинский» был написан или набросан до «Короля Лира», то трагедию следует датировать примерно 1605 г. К этому склонялся Э. С. Бредли, и эту дату поддерживает современный американский шекспировед Уилард Фарнхем. Но большинство исследователей хронологии Шекспира относят «Тимона Афинского» к более поздней дате. Традиционное мнение, восходящее к концу XVIII века, заключается в том, что «Тимон Афинский» — последняя из трагедий Шекспира. Однако никаких фактических данных, подтверждающих это, не обнаружено. Правда, английскому исследователю Сайксу удалось найти в пьесе одного из современников Шекспира Джона Дея «Юмор без передышки» (1607–1608) фразу, которая, возможно, намекает на сюжет «Тимона». Об одном из персонажей здесь говорится, что он «безумен, как тот

вельможа, который роздал свое состояние прихлебателям, а затем просил милостыню для себя». Однако нельзя быть уверенным в том, что здесь подразумевается трагедия Шекспира. Возможно, что это просто намек на один из многих фактов расточительства вельмож, случившихся в то время.

Не помогают датировке пьесы и так называемые метрические таблицы, в которых суммированы формальные особенности стихосложения Шекспира. В данном случае они неприменимы из-за версификационных аномалий текста, по-видимому, объясняющихся незавершенностью трагедии. Э.К.Чемберс принимает традиционную датировку трагедии и относит ее написание к 1608 г., ставя ее по времени создания между «Кориоланом» и «Периклом».

Источником сюжета являются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. О Тимоне Плутарх рассказывает в биографии Марка Антония, а также в биографии Алкивиада. Не исключено, что характеристика Тимона, данная Плутархом, привлекла внимание Шекспира, когда он изучал биографию Антония для трагедии «Антоний и Клеопатра». Но Шекспир мог также познакомиться со своеобразной личностью Тимона по рассказу в другой книге, которой он пользовался в качестве источника сюжетов, а именно — по сборнику новелл и легенд Пойнтера «Дворец наслаждений» (1566). Шекспир, по-видимому, был знаком также с сочинением Лукиана «Мизантроп». Английского перевода «Мизантропа» не было во времена Шекспира, а наш драматург, по некоторым сведениям, «мало знал латынь, а греческий и того меньше», но зато он мог быть знаком с французским переводом Лукиана, сделанным Фильбертом Бретаном (1582). Наконец, обнаружена также рукопись английской анонимной пьесы о Тимоне. Сравнение текстов показывает, однако, что Шекспир не был с ней знаком.

Образ Тимона очень часто встречается в гуманистической литературе эпохи Возрождения. Мы находим его у итальянцев, французов, испанцев и англичан. Он привлекал теоретиков гуманизма, новеллистов, поэтов и драматургов. Комедию о «Тимоне» написал Боярдо (1487). Имя «Тимона» мелькает и на страницах «Опытов» Монтеия (английский перевод-1603).

Уиллард Фарнхем, произведя сравнительное исследование всех сочинений о Тимоне, начиная от Плутарха и до ренессансных авторов, пришел к выводу, что шекспировская трактовка образа мизантропа коренным образом отличалась от традиционной. Как для древних авторов, так и для писателей-гуманистов Тимон был образцом человеконенавистничества. Он воплощал в себе как раз то, что отрицалось передовой гуманистической мыслью, утверждавшей веру в человека и в его способность к совершенствованию. В жизненной судьбе Тимона, презиравшего людей и удалившегося, чтобы жить без общения с ними, всегда видели крайнее проявление антисоциальности, что также давало гуманистам повод для осуждения Тимона. Его удаление на лоно природы и одинокая жизнь в диком лесу расценивались как отказ от высших форм человеческого бытия и возврат к животному, скотскому состоянию. Гуманистам с их стремлением к распространению культуры «опрошение» Тимона было не по душе.

Шекспир пошел против этой традиции. Он первый автор, у которого Тимон изображен как трагический персонаж, вызывающий сочувствие. Замысел Шекспира очень ясно обнаруживается при сопоставлении его разработки сюжета о Тимоне с рассказом Плутарха. В жизнеописании Алкивиада Тимон упоминается только мимоходом. Здесь описывается то удовольствие, которое испытал Тимон, встретив Алкивиада, ибо он рассчитывал, что, добившись всей полноты власти, Алкивиад раздавит Афины. В биографии Марка Антония о Тимоне рассказано более подробно. Плутарховский Тимон живет не в лесу, а в Афинах, но, презирая людей, он не желает общаться с ними. Единственный, для кого он делает исключение, это такой же человеконенавистник, как он, — Апемант. Причина мизантропии Тимона лишь мимоходом упоминается Плутархом. Его Тимон не был богатым человеком и не растратил огромного состояния на друзей. Просто случилось так, что однажды, испытывая нужду, он обратился за помощью к друзьям и, не получив ее, возненавидел их, а заодно и весь людской род. Свою ненависть к людям он выразил в эпитафии, которую велел вырезать на своей могиле.

Тимон Плутарха — человек, выделяющийся своей эксцентричностью, в нем нет ничего типичного, и древний историк-моралист изображает его как человека, отклонившегося от норм природы и нравственности.

У Лукиана, с сочинением которого Шекспир каким-то образом познакомился, Тимон изображен богачом, щедрым по отношению к своим друзьям. Его расточительность завершается растратой состояния, и тогда все, кто раньше льстил ему, чтобы получать подачки, отворачиваются от него. Безбожник Лукиан изображает разорившегося Тимона человеком, проклинающим богов за свою злосчастную судьбу. С явным удовольствием автор вложил в его уста всевозможные богохульства. Однако Зевс, услышав жалобы Тимона, пожелал ему помочь. Тимон просил, чтобы громовержец обрушил гром и молнии на неверных друзей, но олимпийский бог не в состоянии этого сделать, так как сломал свой громоносный жезл, размахивая им, чтобы наказать философа Анаксагора, отрицавшего власть богов. Тогда Зевс приказывает Гермесу обогатить Тимона. Тимон, живущий в уединении, копает землю и находит огромное сокровище. Об этом становится известно неверным друзьям, и они снова приходят к нему, опять льстят и пускаются на всевозможные уловки для того, чтобы выманить у него золото, Тимон вдоволь наслаждается их унижением, а затем прогоняет их, не дав ничего. После этого он решает жить отшельником, сохраняя вражду ко всем людям. Но при этом Лукиан, сочувствуя Тимону в его осуждении корыстолюбия людей, явно не одобряет его намерения вести одинокую жизнь.

Мы видим, таким образом, что, как и в подавляющем большинстве других случаев, создавая сюжет пьесы, Шекспир многое брал из различных источников, но заимствования были подчинены идейному замыслу, вполне оригинальному. Концепция трагедии отличается свойственной Шекспиру масштабностью. Его Тимон не просто частное лицо, на долю которого выпало несчастье, заставившее его возненавидеть людей. Шекспировский Тимон — не только богатый, но и знатный вельможа, один из самых первых и влиятельных граждан Афин. Судя по одному намеку, он был даже воином и полководцем. Во всяком случае, вероятно, не без основания ему предлагают возглавить войска для защиты Афин от наступающего на них Алкивиада.

Теснее, чем во всех трактовках сюжета у предшественников, связывает Шекспир судьбу героя с жизнью всего общества и государства. Трагедия Тимона — это трагедия выдающейся личности, чья жизнь и судьба многообразно скрещивается с нравственным состоянием общества в целом. По сравнению с другими трагедиями здесь меньше всего личных мотивов. У Тимона нет жены, возлюбленной или родственников. Он предстает перед нами только в своих общественных связях, как с Афинским государством в целом в лице его сената, так и с отдельными гражданами, ищущими его расположения.

Широта трагического диапазона Шекспира обычно проявляется также и в том, что не только общество, но и вся природа, космос оказываются вовлеченными в тот клубок противоречий, который ранит душу героя меланхолией, муками страсти и безумием. Так обстоит дело и в «Тимоне Афинском». Здесь, правда, не появляются сверхъестественные существа и природа не раздражается грозами. Она равнодушно взирает на страдания Тимона, как равнодушно к нему и погрязшее в корыстных стремлениях общество. Но сам Тимон ощущает несправедливость в ее космическом вселенском масштабе. Это очень выразительно проявляется в последних актах трагедии, в монологах Тимона: «О всеблагое солнце! Извлеки сырую гниль из недр земли наружу и зарази весь воздух под луною...» (IV, 3), «О ты, природа, мать всего живого...» (IV, 3), в страстной тираде, с которой он обращается к разбойникам: «Солнце — первейший вор... Луна — нахалка и воровка тоже... Все в мире — вор!» (IV, 3).

Наряду с грандиозностью замысла трагедии, содержащей осуждение всемирной несправедливости, ее драматическая композиция сравнительно с другими произведениями данного

периода отличается простотой. Здесь нет той многоплановости действия, которая так характерна для «Гамлета», «Короля Лира» и «Антония и Клеопатры». В этом отношении «Тимон Афинский» ближе к той концентрированной структуре, которая отличает «Отелло» и «Макбета». Но эти две трагедии изображают сложный и мучительный процесс развития губительной страсти в душе героя. В «Тимоне Афинском» развитие личности героя представлено гораздо проще. Мы видим две его ипостаси. Сначала перед нами щедрый и благожелательный ко всем Тимон, затем в его сознании происходит резкий перелом и он преобразуется в человеконенавистника, пылающего неукротимым гневом. Этот переход совершается внезапно.

Проще и даже прямолинейнее изображение и других персонажей. Шекспир не стремился здесь к той индивидуализации, которая делала столь живыми создаваемые им типы. Второстепенные персонажи трагедии представляют собой односторонние, по, правда, очень рельефные воплощения определенных качеств. Они являются их обобщенной персонификацией, и недаром несколько персонажей даже не названы именами, а обозначены лишь своей профессией: поэт, живописец, ювелир, купец. Это почти как в моралите. Но, конечно, мы ни в коей мере не хотим сказать этим, что Шекспир возвращается к наивному морализаторству средневековой народной драмы. Широта его взгляда на жизнь, глубокое постижение ее противоречий во всей их сложности сохраняют за «Тимоном Афинским» все качества жизненной наполненности, присущие ренессансной драме.

И все же, больше чем где бы то ни было, Шекспир отходит здесь от драмы характеров, приближаясь к тому, что мы определяем как драматургию идей. Он нигде не погрешает против психологической правды, но она предстает в «Тимоне Афинском» в своих самых обобщенных проявлениях. Шекспира интересуют здесь не тонкие извивы человеческой души, а простейшие и даже грубые в своей простоте проявления человеческой природы. С неумолимой суровостью подчеркивает Шекспир власть бездушного расчета над людьми, их неприкрытую жажду выгоды.

Многое здесь проще, чем в таких трагедиях, как «Гамлет», «Отелло». «Король Лир», «Макбет», «Антоний и Клеопатра» и даже «Кориолан». Но эта простота отнюдь не приводит к обеднению содержания. Здесь уместно вспомнить суждение Белинского об этой трагедии, до сих пор не привлекавшее внимания наших шекспиристов.

Вот что писал Белинский о «Тимоне Афинском»: «...эта пьеса так проста, так немногосложна, так скудна путаницею происшествий, что, право, невозможно и рассказать ее содержания. Люди обманули человека, который любил людей, надругались над его святыми чувствованиями, лишили его веры в человеческое достоинство, и этот человек возненавидел людей и проклял их: вот вам и все тут, больше ничего нет. И что же? Составили ли вы себе, по моим словам, какое-нибудь понятие об этом великом создании великого гения? О, верно, никакого! ибо эта идея слишком обыкновенна, слишком известна всем, каждому, слишком истерта и истреплена в тысячах сочинений, хороших и дурных, начиная от Софоклова Филоктета, обманутого Улиссом и проклинающего человечество, до „Тихона Михеевича“, обманутого вероломною женою и плутом-родственником. Но форма, в которой выражена эта идея, но содержание пьесы и ее подробности? Последние так мелочны, так пусты и притом так всякому известны, что я наскучил бы вам смертельно, если бы вздумал их пересказывать. И однакож у Шекспира эти подробности так занимательны, что вы не оторветесь от них, и однакож у него мелочность и пустота этих подробностей приготовляет ужасную катастрофу, от которой волосы встают дыбом, — сцену в лесу, где Тимон в бешеных проклятиях, в горьких, язвительных сарказмах, с сосредоточенною, спокойною яростию рассчитывается с человечеством. И потом, как выразить вам то чувство, которое возбуждает в душе известие о смерти добровольного отверженца от людей! И вся эта ужасная, хотя и бескровная трагедии, ужасная даже в своей простоте, в своем спокойствии, готовится глупою комедией, отвратительною картиною, как люди обжирают человека, помогают ему разориться и потом забывают о нем, эти люди, которые

*Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.*

И вот вам жизнь, или, лучше сказать, прототип жизни, созданный величайшим из поэтов! Тут нет эффектов, нет сцен, нет драматических вычур, все просто и обыкновенно, как день мужика, который в будень ест и пашет, спит и пашет, а в праздник ест, пьет и напивается пьян. Но в том-то и состоит задача реальной поэзии, чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни»¹.

В чем же состоит та простая и великая жизненная истина, которую Шекспир выразил в своей трагедии?

Мы видели во всех предшествующих произведениях драматурга его постоянное стремление пробиться сквозь поверхность жизни и дойти до самой ее сердцевины, для того чтобы найти корни зла. Мы были бы несправедливы, сказав, что только в «Тимоне Афинском» Шекспир осуществил свое стремление и достиг цели. Его великие творения «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет» — глубоко раскрывают нам основы тех противоречий действительности, которые извращают природу человека, делают людей врагами друг другу, превращают жизнь в непереносимую муку. Это было сделано Шекспиром с той силой художественного мастерства, благодаря которой трагедии его героев обрели удивительную жизненность, волнуя умы и сердца людей многих поколений. Корень зла Шекспир видел в чудовищном себялюбии, которое возникло как неожиданный спутник высокого развития личности, когда она освободилась от средневековых пут. Мы уже не раз подчеркивали, что Шекспир, конечно, не мыслил теми понятиями, которые служат нам для определения существа социальных процессов. Но чутьем художника-реалиста он постиг смысл того переворота, который происходил в сознании людей его эпохи, и видел социальные основы этого переворота. Шекспир стоял у колыбели буржуазного общества, и, будучи гениальным в понимании общественных отношений, он наглядно изобразил в своих трагедиях первые результаты грандиозной ломки общественного сознания. В его трагедиях пред нами предстает картина распада всех феодально-патриархальных связей между людьми. Показано это было им уже и в прежних произведениях, но в «Тимоне Афинском» это не только показано, но и сказано великим драматургом в полных гнева речах Тимона. Подчеркнутая декларативность трагедии не дает ей художественного превосходства над «Гамлетом» или «Королем Лиром». Но как документ, характеризующий мировоззрение Шекспира, «Тимон Афинский» имеет несомненное значение.

Читая тирады героя, мы не можем не вспомнить гениальную формулировку последствий буржуазного развития для человеческого общества, данную К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость...»²

Вся трагедия Тимона сконцентрирована вокруг одного — значения денег в жизни людей. Вначале он предстает перед нами как человек, видящий в деньгах средство сделать приятной свою жизнь и жизнь других. Богатство имеет для него цепу именно в той мере, в которой оно может

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. 1, М. 1948, стр. 131

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 426.

доставить людям наслаждение и счастье. В этом отношении он напоминает Антонио из «Венецианского купца», который готов был пожертвовать для своих друзей всем. Однако, как мы помним, и друзья отвечали Антонио взаимной любовью. Когда над ним нависла опасность, они сделали все, чтобы спасти его от жаждавшего крови ростовщика Шейлока. Не только друзья, но и государство в лице дожа и венецианского сената стали тогда на защиту Антонио. В споре между Антонио и Шейлоком немалую роль играл вопрос о законности решения их тяжбы. Читатель помнит, что Шейлок опирался на букву закона, а защитница Антонио, Порция, доказала, что формальное следование закону в конечном счете обращается против человека.

Мы вспомнили раннее произведение Шекспира потому, что сравнение социальных концепций, лежащих в основе этих двух драм (при несомненном художественном превосходстве «Венецианского купца»), наглядно показывает развитие мысли Шекспира, преодоление им прежних иллюзий о соотношении добра и зла в действительности. В «Тимоне Афинском» перед нами зрелый Шекспир, который постиг всю бесчеловечность утвердившихся в обществе отношений. При этом он видит, что бездушные царит повсеместно. Оно проявляется и в поведении людей, и в действии закона. Последнее выразительно представлено в линии сюжета, связанной с Алкивиадом. Афинский полководец обращается к сенату (III, 5) и просьбой помиловать его друга, который в порыве гнева убил своего обидчика, Алкивиад не отрицает вины друга, он просит только, чтобы того судили не за один этот поступок, но приняли во внимание все его человеческие качества. Друг был достойным человеком, совершившим немало подвигов на поле брани, защищая Афины. Алкивиад просит предоставить возможность виновному искупить свой проступок на поле боя. Сенаторы стоят на точке зрения формального закона. Человек, которого они судят, не существует для них как личность, он только некая единица, нарушившая закон. Сенаторы отказывают Алкивиаду в его просьбе. Более того, уже одно то, что он смеет оспаривать судей и подвергать сомнению правильность их решения, вызывает гнев сенаторов, которые изгоняют и самого Алкивиада, несмотря на все его прежние заслуги перед Афинским государством.

Этот выразительный эпизод в концентрированной форме выражает отношения, установившиеся между личностью и государством. В хрониках Шекспира утверждалась идея, что государство существует для людей как сила, объединяющая их и устанавливающая справедливые отношения между ними. Шекспир, достигший полной зрелости политической мысли, понимает, что государство представляет собой нечто враждебное человеку. Оно требует беспрекословного подчинения себе. Не оно служит людям, а люди должны служить ему.

Судьба Тимона также подтверждает это. Он не раз помогал государству, когда оно нуждалось в средствах. Но ни государство, ни мнимые друзья не пришли на помощь Тимону, когда он оказался в нужде.

С предельной наглядностью в трагедии изображено то, что каждый человек оказывается предоставленным самому себе. Мы видим здесь действительно полный распад всех связей, место которых занял голый «интерес», «чистоган».

Как и в «Короле Лире», Шекспир показывает, что место и значение человека в обществе определяется не его человеческими качествами и достоинствами, а богатством, то есть чем-то находящимся, вне самого человека. Происходит извращение человеческой природы, и это было с потрясающей художественной силой выражено Шекспиром в известном монологе Тимона Афинского, привлекая к себе внимание К. Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал: «Шекспир превосходно изображает сущность денег».

Комментируя монологи Тимона: «Тут золота достаточно вполне, чтоб черное успешно сделать белым, уродство — красотой, зло — добром...» (IV, 3) и «О ты, приветливый царевубийца, орудье

распри меж отцом и сыном...» (IV, 3)], К. Маркс пишет: «...то, что могут купить деньги, это — я сам, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои их владельца — свойства и сущностные силы. Поэтому то, что я емь и что я в состоянии сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину. Значит, я не уродлив, ибо действие уродства, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами... Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец... И разве я, который с помощью денег способен получить все, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?»

Золото производит смешение всех ценностей жизни. Оно способно позолотить любой порок, окружить почитанием ничтожество, извратить естественные стремления людей. Как пишет К. Маркс, «Шекспир особенно подчеркивает в деньгах два их свойства:

1) Они — видимое божество, превращение всех человеческих и природных свойств в их противоположность, всеобщее смешение и извращение вещей; они осуществляют братание невозможностей.

2) Они — наложница всесветная, всеобщий сводник людей и народов».

Маркс останавливается также на вопросе о последствиях извращающей роли денег по отношению к человеческой личности и ее общественным связям. Как он пишет, комментируя и развивая мысль Шекспира, «деньги являются, следовательно, всеобщим извращением *индивидуальностей*, которые они превращают в их противоположность и которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам.

В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость...

Кто может купить храбрость, тот храбр, хотя бы он был трусом. Так как деньги обмениваются не на какое-нибудь одно определенное качество, не на какую-нибудь одну определенную вещь или определенные сущностные силы человека, а на весь человеческий природный предметный мир, то, с точки зрения их владельца, они обменивают любое свойство и любой предмет на любое другое свойство или предмет, хотя бы и противоречащие обмениваемому. Деньги осуществляют братание невозможности; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу».

Вместе со своим героем гуманист Шекспир видит крушение идеалов человечности в мире, где царит власть золота. Гнев Тимона, однако, обращается не против самого золота, а против людей, поклоняющихся этому новому «божеству». Шекспир не склонен был оправдывать зло объективными причинами. Он считал, что возможность противостоять всем формам общественного зла заложена в самом человеке. Тимона возмущает то, что люди не хотят бороться против власти золота, и, раз уж они так предались корыстолюбию, он готов содействовать истреблению человечества. Найденное им золото он, в отличие от своего прототипа у Лукиана, не прячет, а, наоборот, готов его раздать для того, чтобы люди, борясь друг с другом за обладание сокровищами, с еще большей яростью занялись взаимным истреблением. В исступлении он кричит разбойникам: «Грабьте же друг друга, ненавидьте самих себя. Вот золото еще: берите, режьте глотки без разбору» (IV, 3).

Ненависть к людям, овладевшая Тимоном, безгранична, и он уже никогда не примирится с человеческим родом. Однако корень ее в той любви, которую Тимон раньше так щедро проявлял по отношению ко всем окружающим.

Шекспир часто прибегал к одному приему для четкого определения характеров своих персонажей: он либо ставил их в сходные ситуации, либо наделял одинаковыми страстями и стремлениями. Так, мы видели, что отношение Гамлета к задаче мести особенно рельефно обнаруживалось при сопоставлении датского принца с Лаэртом и Фортинбрасом, у которых тоже были убиты отцы. В «Тимоне Афинском» параллельно герою Шекспир выводит фигуру другого человеконенавистника — Апеманта. Этот циник никогда не любил людей и был убежден в том, что натуру человека определяют дурные качества. Люди для него не более чем разновидность животных:

*«Род человеческий выродился, видно,
В породу обезьян» (I, 1).*

Исследователями стиля Шекспира было замечено, что образная система трагедии изобилует словами, метафорами, сравнениями, настойчиво утверждающими идею господства в жизни звериных начал. Когда Алкивиад, встретив в лесу Тимона, спрашивает его: «Ты кто такой?», тот отвечает: «Животное, как ты!» (IV, 3). На протяжении пьесы персонажи постоянно называют себя и других животными. Однако человек — самый жестокий из зверей. Уходя в лес, Тимон говорит: «Там лютей зверь добрее человека». В этом ряду стоят и те образные выражения, которые прямо или косвенно утверждают, что люди пожирают людей. Льстецы и прихлебатели не только объедали Тимона, они поедали его самого. Как метко замечает Апемант:

*«Какая тьма людей Тимона жрет,
А он не видит их! Орава эта
Не яства поглощает — кровь Тимона...» (I, 2).*

Впоследствии Тимон тоже пришел к пониманию того, что люди пожирают друг друга. Когда в лесу на него нападают разбойники, он им советует питаться щедрыми дарами природы, но первый разбойник отвечает за всех, что они не могут питаться травой, плодами и водой, «как птица, звери, рыба». На это Тимон с горькой иронией замечает, что им недостаточно даже есть самих зверей, и птиц, и рыб: «Я знаю — должны вы есть людей» (IV, 3).

Может показаться, что Тимон, пережив разочарование в людях, пришел к тому же взгляду на природу человека, что и Апемант. Этот последний, узнав о том, что Тимон из ненависти к людям удалился в лес, ищет его, думая, что теперь-то они могут встретиться как единомышленники. Но в том-то и дело, что есть огромное различие между человеконенавистничеством Апеманта и Тимона. Апемант презирает людей, ибо убежден, что низменность составляет их природу, поэтому он не впадает в бурное отчаяние, как это случилось с Тимоном. Он смотрит на людей с циническим спокойствием и безразличием. Апемант никогда не видел в жизни ничего хорошего и не испытал к себе хорошего отношения людей. В отличие от него Тимон начал жизнь в богатстве и довольстве, окруженный всеобщим поклонением. Так он говорит о себе: «Для меня вселенная кондитерской являлась» (IV, 3). Разными они остались и в нищете.

Будучи богатым, Тимон отнюдь не отличался благоразумием или прозорливостью. Он слепо воспринимал лесть окружавших его прихлебателей и наивно верил им. Апемант прав, что он сам накликал на себя свою беду. С точки зрения практического житейского взгляда на вещи Тимон был просто безрассуден. Но его безрассудство в чем-то было родственно безрассудству Лира, когда он был всемогущ. Тимон хотел быть хорошим человеком — не в несчастье, как Лир, а именно тогда, когда у него был «избыток», он готов был поделиться им с людьми, тогда как Лир, как мы помним, пришел к этому, лишь пройдя через нужду и страдания. Когда люди превозносили Тимона, ему и в самом деле казалось, что они ценят его доброту. Но они это делали только для того, чтобы побуждать его к еще большей расточительности.

По-своему Тимон переживает трагедию доверия. Будучи человеком склонным к крайностям (Апемант метко определяет его характер, говоря: «Ты в жизни никогда не знал золотой середины, тебе

ведомы лишь крайности»; IV, 3), прозрев, он теперь становится врагом людей. Переворот, происходящий в его сознании, противоположен тому, который пережил Лир. Тот вначале был безразличен к людям и жил только сознанием величия своей личности. Тимон видел свое величие в том, чтобы оказывать благодеяния другим. Прозревший Лир проникается самозабвенной любовью к страждущему человечеству. Прозревший Тимон обуреваем ненавистью по отношению к всеобщей порочности людей. Лир считал, что «нет в мире виноватых». Он понял чудовищные противоречия общества, основанного на неравенстве, где неправедный судит невинного. Тимон не захотел в этом разбираться. Он осудил всех людей без исключения, считая каждого человека морально ответственным за то, что он не сопротивлялся злу.

Тимон ненавидит человечество, ибо оно изменило своей человеческой природе, и в этом его отличие от Апеманта, считающего, что люди верны своей природе, ведя себя как звери и пожирая друг друга.

Мизантропию Тимона критика иногда отождествляет с позицией самого Шекспира. Великий драматург в результате горестных наблюдений над ужасами жизни пришел будто бы к такому же человеконенавистничеству, как и его герой. Действительно, как и тогда, когда мы читаем «Гамлета», трагедия «Тимон Афинский» вызывает у нас ощущение того, что гневные речи Тимона так же близки духу Шекспира, как и раздумья датского принца, но в обеих трагедиях Шекспир никогда не сливается полностью со своим героем. Несомненно, что все сказанное Тимоном о пороках общества, одержимого стремлением к выгоде, выражает взгляд самого Шекспира. Но это не означает, что великий гуманист отказался от своей веры в человека. Шекспира отделяет от Тимона то, что он видит и людей, не поддавшихся всеобщему растлению. В этом смысле полна глубочайшей значительности фигура дворецкого Флавия. В то время как все другие приходили в лес к Тимону в надежде поживиться найденным им сокровищем, Флавий пришел к Тимону из любви к нему. Его привело сюда бескорыстное, чистое, человеческое чувство. Мы не можем не обратить внимания также и на то, что единственный персонаж трагедии, проявивший подлинную человечность, — это простой слуга, человек из народа. Вспомнить об этом не лишне в связи с тем, что «Тимону Афинскому» предшествовала трагедия «Кориолан», давшая повод утверждать, будто Шекспир с презрением и враждебностью относился к народу.

С другой стороны, мы не станем отрицать того, что отношение Флавия к Тимону — последний остаток прежних патриархальных отношений между «естественным повелителем» и слугой. Но реально Флавий также живет в мире, где эти патриархальные отношения вконец разрушены. Он тоже отдельная, обособленная от других личность. И все же он не поддался всеобщей нравственной порче.

Искренность и бескорыстие Флавия глубоко трогают Тимона. Он молит богов простить ему поспешность, с которой он «осудил весь мир без исключения»:

*«Есть честный человек, я признаю,
Но лишь один — не ошибитесь, боги,
Единственный! И тот всего — слуга» (IV, 3).*

И все же даже Флавий не примиряет Тимона с человечеством. Он гонит его от себя. Почему? Потому что непреклонен в своей ненависти к злу и не хочет, чтобы добрые люди, существующие как исключение, мешали ему видеть, что зло сильнее их и царит над большинством человечества.

Тимон умирает непримиренным, завещая людям лишь проклятие, и этим трагедия не завершается.

В идейном замысле «Тимона Афинского» немалую роль играет вторая линия действия, связанная с Алкивиадом. Он тоже пострадал от несправедливости. Прежние заслуги не спасли его от изгнания. Ненависть к обидчикам овладела им, но она не приняла форму вражды ко всему человечеству.

Тимон сродни философствующим героям Шекспира — Бруту, Гамлету, Лиру. Алкивиад — человек действия. Он в этой пьесе выполняет функцию Фортинбраса («Гамлет»). Его фигура, однако, более выразительна, чем образ норвежского принца, который остается лишь бледной тенью, тогда как характер Алкивиада представлен весьма рельефно.

Он отнюдь не рыцарь без упрека, но, не будучи идеальным, он живой человек, в котором лучшие начала сильнее дурных. Если его конфликт с Афинским государством начался с личной обиды, то, вступив в борьбу из жажды мести, Алкивиад под конец становится тем человеком, который посредством силы восстанавливает хотя бы относительное равновесие добра и зла в обществе. Он воплощает мужественный и воинственный гуманизм, не боящийся прибегнуть к насилию для восстановления справедливости.

Победившему Алкивиаду, заставившему покорно склониться сенаторов, сообщают весть о смерти Тимона и эпитафию, которую тот сам начертал на своей могиле. В ней говорится о ненависти Тимона к миру и людям, но Алкивиад единственный, кто понимает, что мизантропия Тимона имела своим источником высокое представление о том, каким человек должен быть, и вместе с тем мы слышим из уст Алкивиада мысль о том, что война всех против всех, царящая в обществе, должна смениться миром и социальной гармонией. Если это может быть достигнуто только насилием над людьми, изменившими своей природе, пусть хоть это средство поможет благородным целям:

*«Пусть война рождает мир, а мир,
Войну смирив, отныне будет свят» (V, 4).*

Эти заключительные слова старинной трагедии неожиданным образом протягивают прямую нить от Шекспира к нашему времени, отвечая мыслям и стремлениям большей и лучшей части современного человечества, стремящейся к тому, чтобы изгнать из жизни все то, что делало людей врагами друг другу, и, уничтожив все звериное, сделать жизнь достойной человека, а человека достойным своего благородного звания.